

The poster depicts a group of prehistoric men in a lush jungle. In the foreground, a man with long black hair, a beard, and tattoos holds a large axe. Behind him, four other men are shown in various poses of aggression or combat, some holding weapons like spears and shields. The scene is set in a dense, green forest with large trees and foliage. At the top, a decorative banner with the text 'НАШИ ТАМ' is visible. At the bottom, the author's name 'ИЗЯСЛАВ КАЦМАН' and the title 'ХРЕН С ГОРЫ' are prominently displayed.

НАШИ • ТАМ

ИЗЯСЛАВ КАЦМАН

ХРЕН С ГОРЫ

Наши там (Центрполиграф)

Изяслав Кацман

Хрен с Горы

«Центрполиграф»

2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Кацман И.

Хрен с Горы / И. Кацман — «Центрполиграф», 2022 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-10064-1

Смерть – вовсе не конец. Вот только куда я попал, совершенно непонятно. Люди, конечно, как люди, разве что кожа темнее, чем у меня, да носят набедренные повязки вместо штанов. И статус мой не так уж и плох – к местному «среднему классу» отнести меня можно. Правда, приняли за кого-то другого. И вообще назвали, если перевести моё теперь имя, Хреном с Горы. А мои знания и умения почти не находят применения, скорее уж у местных учусь, чем дикарей просвещаю. Но ничего, все трудности преодолеем, выдернем папуасов из каменного века и поведём их в будущее.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-10064-1

© Кацман И., 2022
© Центрполиграф, 2022

Содержание

Глава 1,	7
Глава 2,	14
Глава 3,	19
Глава 4,	30
Глава 5,	36
Глава 6,	42
Глава 7,	52
Глава 8,	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Изяслав Кацман

Хрен с Горы

Меня не обломает перемена мест.

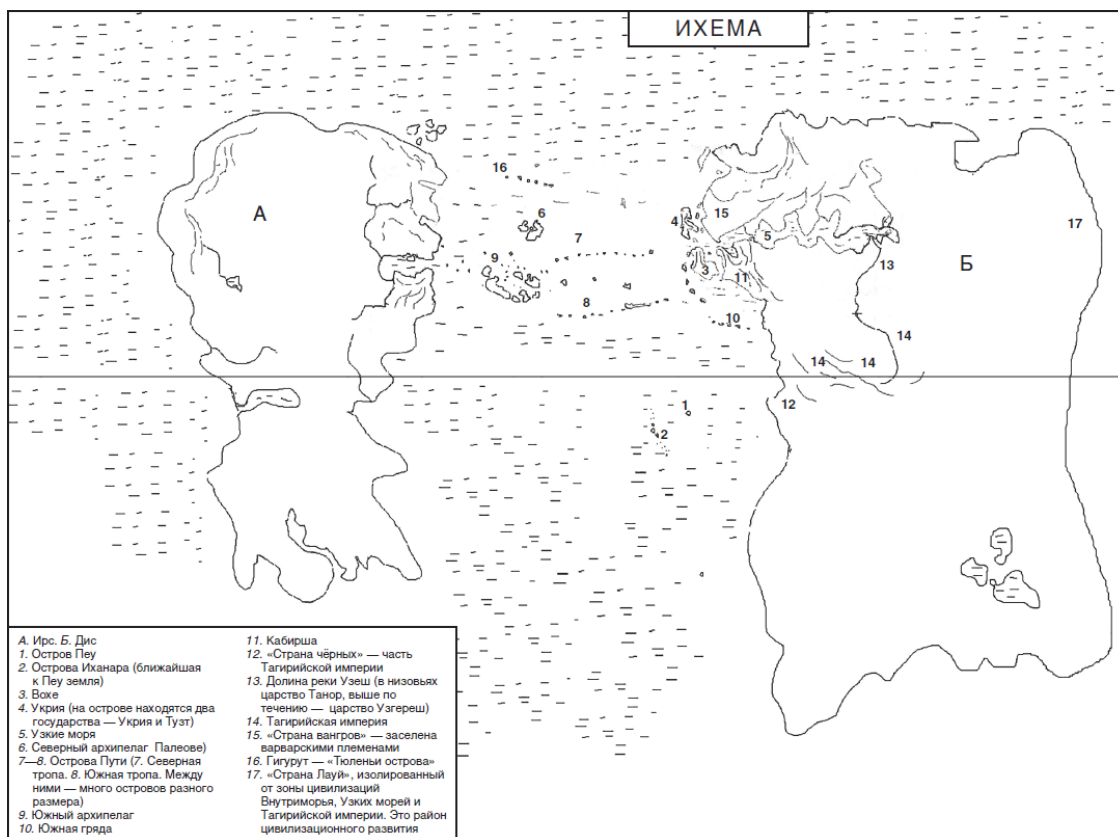
Стукач не выдаст – свинья не съест.

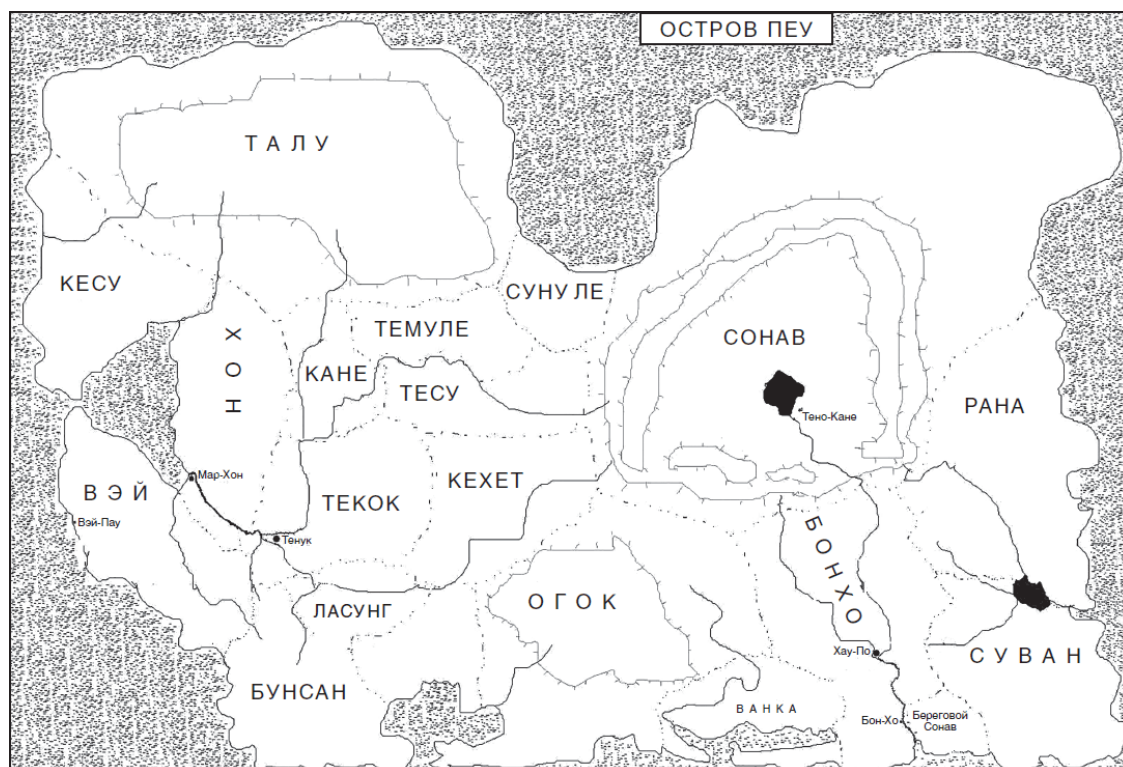
Егор Летов

© Кацман И., 2022

© «Центрполиграф», 2022

* * *

Глава 1, *в которой герой попадает непонятно куда*

Автоматная очередь в спину мало совместима с жизнью. Разве что с загробной...

Собственная плоть, выбрасываемая вслед за пролетающими насквозь пулями, – последнее, что я увидел. Вкус крови во рту – последнее, что я почувствовал. И темнота... И пустота...

Яркий свет в лицо через мгновение после темноты, следовавшей за смертью, должен был, по идее, наводить на мысли о мире ином. Но мыслей никаких не было. Я просто медленно открыл глаза и встал.

Место сильно отличалось от развалин молочного завода, где наша группа напоролась на засаду. Длинная полоса голой красноватой земли шириной метров тридцать–сорок, редкие кустики какой-то зелени. С одной стороны – густой лес, с другой – камыши и полоса воды, за которой вновь начинаются деревья. Ближний ко мне край этого поля (или не поля?) упирался в заросли, а дальний сливался с чем-то мерцающим и рябящим, что могло оказаться морем или озером. И, где-то на границе земли, неба и моря, скопище домов или сараев.

Туда и иду, проваливаясь по щиколотки в сырую вязкую землю, останавливаясь то и дело, чтобы перевести дух. Только сейчас вдруг понимаю, что на мне ничего нет: ни одежды, ни обуви, ни борсетки с ключами и документами. С другой стороны – куда-то делись и оставленные пулями отверстия, которые должны наблюдаться. Равно как пропал и трёхлетней давности шрам на руке.

Впрочем, предаваться размышлениям по поводу этих странностей и несообразностей буду потом. Сейчас надо добраться до всё ещё далёкого жилья – под палящим солнцем, в ужасной духоте, меся ногами вязкую земляную кашу (метров через сто такого движения я попробовал было взять поближе к лесу, надеясь, что там будет легче передвигаться, чем по «культурной» почве, но пришлось отказаться от этой идеи: в кроссовках и джинсах по лесной опушке идти было бы легче – но только не босиком).

До хижин, крытых травой, и мелькающих возле них человеческих фигурок оставалось пройти меньше трети длинного поля (всё-таки это поле, засаженное какими-то кустиками, тщательно выполотое от сорняков и снабжённое небольшими канавками – не то для отвода воды, не то для орошения), когда я увидел тёмно-синюю стену, вырастающую со стороны водоёма. Дальше всё произошло очень быстро: стена превратилась в чудовищной высоты волну, обрушившуюся на плоский берег, бурлящая вода на месте, которое за миг до этого было селением в добрую сотню домов, водяной вал всё ближе и ближе ко мне... Идиотизм какой-то – чудодейственно избежать смерти от бандитского автомата, чтобы утонуть в непонятном катаклизме.

Через пару минут оказалось, что хороню себя преждевременно: поток на глазах терял напор и высоту, и буквально в нескольких шагах от моих ног вода останавливается. Отдельные брызги долетели до меня, попав на лицо, и я, отметив горько-солёный привкус капель, подумал: действительно, море.

Некоторое время стою в ступоре: не каждый день дважды избегаешь смерти. Потом рванул вперёд. Непонятно, что подгоняло меня: вряд ли среди тех фигурок на берегу был кто-либо знакомый, да и сомнительно, чтобы после такого кто-нибудь выжил. Но я бегу, падая в жижу, вставая, и снова бегу. Скоро стали попадаться тела. Я бросаюсь к ним в надежде найти хоть кого-нибудь живого, но тщетно: никто из десятков темнокожих мужчин, женщин и детей не подавал признаков жизни. Сколько я так бродил, переворачивая погибших, не помню. Кажется, плакал, кажется, меня выворачивало наизнанку. Но насчёт этого не уверен.

Рука, ухватившая меня за плечо, не вызвала никаких эмоций – разве что лёгкую досаду, что кто-то мешает двигаться дальше и искать живых. Обернувшись, вижу десяток темнокожих

людей, ничем не отличавшихся от убитых морем. Из одежды на них были только широкие пояса. Двое или трое держали в руках копья, остальные безоружны.

Тот, который взял меня за плечо, говорит короткую фразу. Не понимая ни слова, машинально переспрашиваю: «Что?!» Темнокожий повторяет. Язык совершенно непонятный. Собеседник мой, видя отсутствие реакции, протараторил длинную тираду. Стою молча и смотрю на дикарей (а кем ещё могут быть – голые, вооружены копьями, молотят какую-то тарабарщину). Не дождавшись от меня опять никакой реакции, говоривший не очень вежливо тянет меня за собой, свободной рукой показывая в сторону, откуда я пришёл. Сегодняшний день и так выдался насыщенным, и совершенно не хочется вступать в пререкания с местными, тем более настроены они вполне мирно и, кажется, просто хотят увести меня с места катаклизма.

Дорога до селения и первые часы там впоследствии вспоминались очень смутно: шли довольно долго, так что солнце, бьющее в глаза, начало садиться, переходили вброд реку, в деревне меня накормили чем-то похожим на кашу и дали выпить горьковатого отвара. После этого я почти сразу отключился.

* * *

Теперь, по прошествии полугода, когда более-менее понимаю язык людей, к которым попал, ясно, как мне повезло. Мало того что я непонятным образом остался жив, получив очередь из автомата, так ещё умудрился оказаться всего в сотне метров от места, на которое обрушилось цунами. Ну и в качестве бонуса – местные папуасы, как я обозначил про себя моих новых соплеменников, приняли меня не за непонятно откуда взявшегося чужака, а за тронувшегося умом обитателя уничтоженного стихией селения. К сумасшедшим же здесь отношение было уважительное.

Оставалось, правда, непонятно, как я мог сойти в глазах приютивших меня туземцев за представителя соседнего племени: папуасами, может, они и не были, но ваш покорный слуга среди этих коричневокожих и темноволосых дикарей выделяется весьма сильно.

Впрочем, освоив местный язык получше, я узнал, что в Аки-Со, так звалась смытая волной деревня, изредка приплывали корабли каких-то более цивилизованных чужеземцев вполне европеоидного вида. Туземные женщины иногда рожали от них детей. Вот за такого полукровку меня и приняли.

Тогда же выяснилось, что обитатели Аки-Со были, по местным меркам, в авторитете: не то они принадлежали к сильному племени, внушающему страх соседям, не то относились к высшей касте. В Бон-Хо, где оказался я, народ тоже считал себя выше соседей из Тона, Суне и Ане, что выражалось в том, что эти три деревни вынуждены были платить жителям Бон-Хо дань свиньями и несколькими видами плодов.

Но живущие в Аки-Со сонаи вызывали боязливое уважение даже у бонхойцев. Поэтому в том, что мне нашлось место в длинной хижине, где обитали молодые парни, и всегда доставались печёные клубни растения баки, а иногда и кусок свинины или рыбина, заслуга репутации племени, к которому я, по мнению туземцев, принадлежал.

Я быстро потерял счёт дням, наполненным работой на полях, сбором орехов и фруктов с растущих вокруг селения деревьев, поиском съедобных ракушек на мелководье и прочими делами, насущными для папуасов. Впрочем, и на безделье времени хватало: местные работать предпочитали с утра или ближе к вечеру, а полуденную жару старались проводить за неспешной беседой или сном.

Так что, сколько времени успело пройти с того дня, когда меня привели в Бон-Хо, до визита моих псевдосоплеменников-сонаев, могу сказать весьма приблизительно, да и то, скорее, со слов других.

* * *

В тот день я в компании других мужчин занимался делом, которое показалось бы со стороны полной бессмыслицей: мы разрушали построенные нами же за месяц или два до этого небольшие дамбы-перемычки, перекрывающие каналы, по которым подводилась вода с реки Боо на поле, засаженное баки. Несмотря на кажущийся идиотизм нашего занятия, работа на самом деле была очень важной. Корни баки, являющиеся основой местного рациона, требовали для своего нормального развития просто прорыва воды, а река отличалась изрядным непостоянством: когда идут, не прекращаясь много дней, дожди, уровень её повышался, грозя прорвать дамбы и залить поля, когда же начинался сухой сезон (местный год делился на сухой и дождливый сезоны, не очень, впрочем, выраженные: в сухое время дожди тоже шли – то чуть ли не каждый день, то раз в неделю или месяц, зато в дождливый сезон с неба лило почти без перерыва), Боо сильно мелела, так что приходилось дамбы местами ломать, чтобы пустить воду.

Всё это знаю не потому, что я такой умный, а из рассказов старших мужчин, которые приходили наставлять подрастающее поколение, обитающее в Мужском доме. Так, кажется, называлось у местных то строение, где мне отвели циновку-место (назвать его койко-местом было трудно ввиду отсутствия в туземном обиходе данной мебели) и назначили харчевание. В общем-то, кроме рассказов, что нужно знать будущим воинам и рыбакам, «мастер-классов» по разным видам деятельности, а также работ на благо общества под руководством взрослых, обучение и наставление включало в себя ещё один компонент, который сначала вызвал у меня нехилый шок (это мягко сказано). Впрочем, пребывая первое время в каком-то отупении и отстранении от окружающего мира, я сначала также отстранённо, словно читаю об этом в книге или смотрю по телевизору, воспринимал то, что взрослые мужики иногда... хм... использовали подростков в качестве пассивных партнёров. А потом, когда экран-кокон, отделявший меня от здешнего мира, растаял, подобный обычай казался чем-то пусть и коробящим лично меня, но вполне обыденным, как, например, в прошлой моей жизни – окурок, брошенный каким-нибудь придурком мимо урны, или мат в общественном месте. Тем более лично меня эта особенность национального воспитания никак не касалась.

Вообще, жизнь моё в Мужском доме протекала без серьёзных конфликтов. Не знаю, в чём тут дело. Может, сумасшедшего, коим я здесь числился, было западло трогать, или, наоборот, они пользовались, как я уже сказал, уважением на грани религиозного почитания. Или дело было в моём предполагаемом происхождении, или просто в непонятности того, кто я такой, а с непонятным лучше не связываться. Может, просто подростки не рисковали задевать взрослого дядю, каким я выглядел в их глазах, а мужчины-наставники уже вышли из того возраста, когда для завоевания авторитета требуется кого-нибудь задеть или, что ещё лучше, загнать.

Друг с другом же обитатели Мужского дома то и дело выясняли отношения, кучковались в то враждующие, то мирящиеся компании, а внутри этих шаек постоянно конфликтовали за место в подростковой иерархии. Взрослые с высоты своего опыта смотрели на всё это снисходительно, вмешиваясь только в исключительных случаях. Правда, логики их вмешательства я зачастую не понимал: иногда они могли допустить и коллективный мордобой с членовредительством, а в других случаях вдруг резкими окриками или затрепинами предотвращали назревающий конфликт ещё на стадии словесной перепалки.

Итак, я только что в компании пары подростков доломал небольшую дамбу-перемычку. Грязная вода весело побежала по канаве. Через полчаса уровень её почти достигнет уровня почвы на лежащих вокруг делянках. На соседней с нашей гряде женщины занимались прополкой и рыхлением земли вокруг кустиков баки. Муторная, надо сказать, работа: тщательно

вырывать голыми руками сорняки, при этом не задевая сами растения и рыхля землю между ними изогнутой палкой с вкладышем из заострённой свиной лопатки.

Впрочем, моя голова была больше занята видом оттопыренных кверху голых женских задниц и прочих доступных обозрению частей тела (а народ любого полу здесь ходил в одних не то набедренных повязках, не то поясах, к которым крепилось всё носимое имущество) и размышлениями о местных сексуальных порядках, до конца так и непонятных. Например, в Мужской дом частенько навевались местные девицы – одного примерно возраста с его обитателями. Распределялись они между парнями, наверное, в соответствии с принятым в молодёжных шайках табелем о рангах. Наставники, впрочем, тоже получали свою долю утех. Что до меня, то я, во-первых, как-то не привык ещё заниматься подобными делами чуть ли не публично, а во-вторых, не знал, как будет воспринята попытка завалить какую-нибудь девицу на свою циновку – слишком уж плохо разбираюсь пока в местных реалиях и чересчур непонятным был мой статус.

Физиология, однако, брала своё. Потому я старался поменьше пялиться на тёмно-коричневые женские попки. При этом в голову лезли мысли о том, является ли допустимым с точки зрения местной половой морали секс с замужней дамой.

Так что появление мальчонки, который пропищал, что Дурня (то есть меня) зовут в деревню, спасло мой мозг от окончательного закипания на почве сексуальной неудовлетворённости. Да и от работы отвертеться есть законный повод. Потому плетусь вслед за посыльным – и устать уже успел, ковыряясь в земле, и расчёт свой имею: чем дольше буду ходить, тем меньше достанется мне сегодня работы. Пацанёнок, правда, норовил в силу возраста бежать бегом. Пришлось пару раз прикрикнуть на него, чтобы не торопился.

Под навесом у входа в Мужской дом тусовалась немалая толпа, в которой я идентифицировал, кроме местных, человек десять чужаков, выделявшихся иными татуировками на лицах и узорами на набедренных повязках и тем, что в бусах и браслетах было больше камней, чем раковин.

Наш староста (или кто он там, короче, самый главный в деревне) при виде меня затараторил. Хотя я и научился понимать почти все слова местного языка, но восприятие столь скорострельной речи вызывало некоторое затруднение. Главное всё же понять мне удалось. Наш предводитель вроде бы объяснял, что перед гостями тот самый найдёныш.

Ответную речь держал худощавый старикан с копной абсолютно седых курчавых волос. Его понимаю ещё хуже, чем старосту: выговор сильно отличался от уже привычного произношения жителей Бон-Хо. Но вроде он говорил о том, что я на кого-то похож.

Для лучшего осмотра дедок протянул кривоватую палку, загнутым концом которой зацепил моё плечо, и поддёрнул меня поближе. Минут десять он меня придирчиво рассматривал, что-то себе в уме прикидывал. Потом выстрелил в нашего старосту длинной вопросительной тирадой. Тот ответил отрицательно. Затем пошёл спор с участием доброго десятка человек – как гостей, так и моих односельчан. Из всеобщего крика и ора, как это ни странно, я, кажется, начал улавливать смысл происходящего.

Чужаки оказались моими псевдосоплеменниками-сонаями, пришедшими сверху, то есть с гор. Старикан был в сонайской делегации за главного. Имя его, часто мелькавшее в споре, я расслышал как Темануй.

Вроде бы дедок узнаёт во мне некоего Ралингу, сына Танагаривы, племянника Покапе. Дескать, он помнит меня ещё подростком, когда двенадцать лет назад навещал соплеменников в Аки-Со. «Пенсионер» перечислил кучу моих родственников во всех пяти селениях Старого (или Верхнего) Сонава и в двух уцелевших селениях береговых сонаев – всяких троюродных братьев матери и их потомство. Сам он, кстати, тоже оказался моим дальним родственником – во-первых, у него и у моей бабки по материнской линии был общий прапрадед, а во-вторых,

мой покойный (как и все ближайшие родственники) дядя Покапе был женат на двоюродной племяннице старого Темануя.

Но вездливого дедка смущало полное отсутствие татуировок на моём теле. Здесь татуировки, причём имеющие смысл с точки зрения окружающих, были неотъемлемой принадлежностью любого мужчины, который покинул Мужской дом. Я же, то есть Ралинга, сделал это лет десять назад, если не больше.

Так что теперь бурная дискуссия велась вокруг двух тезисов: могло ли какое-нибудь вмешательство тех или иных сил, или Сил, стереть с тела Ралинга татуировки и не мог ли в лишённое магической защиты (а нёсшие определённую смысловую нагрузку о происхождении и наиболее выдающихся деяниях носителя узоры кроме сугубо практической функции своегообразного удостоверения личности также обеспечивали и магическую защиту от всякой нечисти) тело вселиться какой-нибудь зловредный дух или демон.

Прения сторон протекали весьма бурно и эмоционально. Наконец все выдохлись и сошлись на том, что, хотя объект спора за тринадцать лун не проявлял никаких видимых признаков одержимости враждебными людям сущностями, всё-таки для пущего спокойствия следует провести его испытание на предмет этой самой одержимости. Проводить процедуру вызвалось сразу пятеро – трое местных и двое пришлых.

Пожалуй, только слабым знакомством с местными реалиями можно объяснить моё относительное спокойствие во время многочасового колдовства пяти туземных специалистов. Единственно, что немного напрягало, – это необходимость торчать среди толпы, которая по мере распространения по деревне известия, что над Дурнем будет колдовать аж целая пятёрка шаманов, и приближения времени к вечеру разрасталась. Ну и сама процедура раздражала: то какой-нибудь едкой горячей дрянью из горшка окуряют, то внезапно начнут греметь над ухом трещоткой, невесть из чего сделанной, то в лицо тычут каким-то идиолом.

Так что я перенёс обряд детектирования зловредных духов и прочих демонов в своём организме вполне спокойно – как и положено человеку, которому нечего опасаться. В итоге консилиумом из пяти специалистов я был признан свободным от всякой нечисти и безопасным для окружающих. А вот знай я заранее, какие глюки могут привидеться местным специалистам по потустороннему миру под воздействием травок, которые они вдыхают во время камлания, и как часто туземцы склонны обвинять друг друга в колдовстве и одержимости нечистой силой, нервничал бы куда сильнее. И не исключено, что моё нервное поведение кому-нибудь показалось бы признаком, что во мне сидит какой-нибудь демон или дух. А так я достойно выдержал испытание.

Покончив с вопросом одержимости, народ переключился на то, каким образом Ралинга, то есть я, лишился всех татуировок. Вновь закипел ожесточённый спор, в котором каждый ссылался на рассказы стариков или предания совсем уж далёкого времени. В конце концов все сошлись на том, что копь духи моря оставили невредимой плоть Ралинга, лишив его памяти, почему бы им в качестве шутки не забрать татуировки. Как при этом без магической защиты я не стал добычей местных злобных морских демонов, вновь вызвало спор, но совсем уж вялый – потому, что от очагов, возле которых орудовали женщины, вкусно пахло печёной свининой, пряными травками и пареными овощами. Тут уж все согласились с Темануем, что раз духи моря, благожелательно ко мне настроенные, так неожиданно пошутили, то могли и взять под свою опеку. Но всё равно, лишняя защита от зловредных Сил не помешает, так что Ралинге следует как можно скорее заново нанести татуировки. Он, Темануй, завтра этим и займётся...

Об анестезии местные папуасы не подозревали. И даже о таком её заменителе, как крепкий алкоголь. Об антисептике тоже. Как я выдержал процедуру «восстановления» татуировок, лучше не вспоминать. Если бы не болтовня старого кольщика, немного отвлекающая от боли, я начал бы орать и плакать на пятой минуте процедуры. И безнадёжно испортил бы своё реноме в глазах местного общества.

Дедок, кстати, говорил по большей части о моей новоявленной родне и непростых отношениях между сонайскими кланами. Береговая ветвь этого племени спустилась с горы и поселилась на морском берегу при прапрадеде Темануя. Взаимные обиды и претензии повлекли за собой то, что жители смытого Аки-Со последние лет пятнадцать практически не общались с людьми из двух других сонайских деревень. А сородичи «сверху», из Старого Сонава, навещались на берег обычно раз или два в год. Так что теперь я мог не бояться встречи с кем-либо, кто хорошо знал настоящего Ралингу.

К сожалению, я не рисковал задавать уточняющих вопросов, которые показали бы полную мою чуждость в этом мире: общепризнанное сумасшествие сумасшествием, но лучше помалкивать, дабы не брякнуть что-нибудь лишнее. Впрочем, дед Темануй и без моих вопросов выдавал немало ценной информации. От ссоры между вождями Аки-Со и Текеме, первопричиной которой послужила неудачная женитьба их детей (кучу имён или кличек, топонимов и подробного описания оружия и украшения набедренных поясов с использованием неизвестных мне терминов я пропустил, вычленив самую суть), дедок перешёл к моим псевдородителям, точнее – родительнице. История рождения Ралинги проясняла, почему меня вообще смогли принять за своего.

От бонхойцев я уже слышал о чужеземцах вполне европеоидного вида, после визитов которых иногда оставалось потомство. Вот один из таких моряков и стал отцом Ралинги. Причём, если судить по тону, каким Темануй всё это рассказывал, рождение моё от чужака, да вдобавок вне брака, никого не волновало. Главное, что Танагарива, его мать, принадлежала к сонаям.

Попутно выяснилось, что от этих же светлокожих моряков местные изредка получают некоторое количество металлического оружия. Например, кинжал и топорик нашего старосты, являющиеся предметом его гордости. В Аки-Со, располагавшемся наиболее удачно, пришельцы чаще, чем в других местах к западу и востоку по берегу, набирали воду и выменивали свои товары на продукты и местные украшения.

Впрочем, не так уж и часто это случалось. По крайней мере, Темануй мог сказать, что последний раз иноземный корабль приставал в этих краях шесть или семь лет назад. Тогда моряки выменяли у жителей Аки-Со на два кинжала, топор и два наручных браслета двух свиней, две корзины баки и несколько связок ракушек. Что можно считать очень выгодной сделкой: обычно один кинжал или топор из жёлтого металла шёл за две-три свиньи или двадцать корзин баки.

От местных дел мой псевдородственник перешёл к рассказу о своей буйной молодости. Когда ему было «столько дождей, сколько сейчас тебе, Ралинга», дед Темануй отправился на запад Пеу (так, оказывается, называется вся страна, куда меня угораздило попасть) служить некоему Большому вождю, именуемому у сонаев типулу-таки, а у бонхойцев – тиблу-таки. Этот типулу-таки (впрочем, дед, и многие, называл его просто типулу) был в отдалённом родстве с Темануем.

К сожалению, мои познания в местном языке были ещё не очень, так что понимал я дедка только в общем и целом. Хотя за сегодняшний день словарный запас обогатился не на один десяток слов, пускай и в сонайском произношении, которое отличалось от бонхойского.

Но то, что сонаи круче всех в Пеу и мне надлежит гордиться принадлежностью к этому племени, я уяснил. Оставалось только догадываться, каким образом сонаи расселились повсюду и всех заставили с собой считаться: не то несколько поколений назад они спустились со своей горы и захватили всю страну, не то их сородич стал тиблу в результате переворота или какой-то интриги и потом подтянул родню ко двору. Я даже не понял со слов Темануя, кем является этот тиблу-таки – самодержавным монархом или лицом выборным, вроде президента. Равно как до конца не было ясно, является Пеу островом или нет: с одной стороны, чужаки, привозящие металлические изделия, вроде бы могут попасть к нам только морем, но с другой

– мой родственничек упоминал о своём участии в стычках с тинсами, рана и сувана, которые не подчинялись тиблу.

Не въехал я и в разглагольствования Темануя о ганеоях и дареоях. Понятно, это деление на низших и высших соответственно. То, что сонаи и бонхойцы принадлежат к дареоям, а суне – к ганеоям, это тоже ясно. Но дальше я почти ничего не понял: чем определяется принадлежность к тем или другим, каковы права дареоев и обязанности ганеоев. Что-то я не заметил особого достатка у бонхойцев, да и сонаи, явившиеся в Бон-Хо, не могли похвастаться какими-то понятными цивилизованному человеку проявлениями богатства.

Оставалось только предположить, что довольно убогий уровень развития туземной экономики просто не позволяет эксплуатировать человекам друг друга в масштабах, дающих возможность одним полностью жить за счёт других. Ну, или второй вариант: большая часть того, что удаётся вытрясти с ганеоев, достаётся дареойской верхушке, например, тому же тиблу-таки с его окружением, а также тем таки, которые не имеют приставку «тиблу» (таковых дедок тоже упоминал).

Со службы у тиблу-таки Темануй как-то съехал на времена, когда он дома, в Сонаве, занимался наставничеством в Мужском доме. Здесь лексика была мне практически вся знакома. Хотя лучше бы я ничего в этой части рассказа не понимал. Поскольку мой престарелый родственник ударился в воспоминания о своих нежных, если так можно выразиться, отношениях с мальчиками-воспитанниками. Дедок аж прекратил выкалывать очередную картинку, вспоминая о далёких временах, когда его мужской силы хватало и на обеих жён, и на подростков в Мужском доме.

Как-то неуютно слушать голого старика, нависающего над тобой, касающегося твоего тела, о том, как в молодости он трахал пацанов, да ещё во всех подробностях.

Под влиянием опасения за филейную часть своего тела я даже на некоторое время стал как-то меньше обращать внимание на то, как дедок орудует на спине иголками и бритвочками-раковинами. Впрочем, где-то ближе к обеду все наколотые места так нещадно горели, что уже было всё равно, о чём там этот престарелый педераст разглагольствует. А окончание процедуры помню вообще смутно: чьи-то руки поднесли к моему рту чашку с водой, но я больше разлил, чем выпил. Доковылял до циновки. Дальнейшее слилось в череду провалов в беспокойный лихорадочный сон и пробуждений. Не знаю уж, что со мной случилось – нервное потрясение, болевой шок, последствие сепсиса или всё вместе взятое, но дед Темануй, как понимаю, всё это время был рядом, поил и кормил меня. По крайней мере, когда я более-менее пришёл в себя, он сидел на корточках на соседней циновке. Оказалось, колбасило меня больше двух суток. Интересно, со всеми подросшими папуасами так сурово обходятся, или это мой родственничек торопился набить на моей шкуре сразу всю двадцатичетырёхлетнюю биографию Ралинги с прилагающимися татуировками защитно-магического характера?

Едва я отлежался, дедок взялся за краткий курс молодого сонайского дареоя. Сподвигло его на это впечатление от разговоров со мной, которое сводилось к трём немудрёным пунктам: первое – я действительно ничего не помню, второе – наставники из местного Мужского дома халатно относились к своим обязанностям по обучению потерявшего память, третье – я не совсем безнадёжен, и в мою голову можно впихнуть премудрости, которые необходимо знать уважающему себя сонаю.

И следующие два дня я выслушивал «лекции» по быту, культуре и обычаям моих новых сородичей. Впрочем, лекциями их можно назвать и без кавычек: дед Темануй оказался не лишён педагогических способностей, так что я действительно узнал немало полезного и нужного для жизни среди туземцев. К сожалению, записей вести возможности не было, приходилось полагаться на память.

Так что период реабилитации и восстановления я провёл с немалой пользой для себя.

Глава 2, *в которой герой, нашедший родню, задумывается о смысле жизни*

Наконец мои новообретённые сородичи-сонаи стали собираться обратно в свои горы. Темануй напоследок похлопал меня по плечу и прочитал небольшую прочувственную речь на тему «Набирайся сил и опыта, Ралинга. Помни, чему я тебя учил. Не срами чести сонайского народа, внучок».

Мямлю в ответ что-то в том же духе.

Сонаи ушли на север по широкой тропе, местами вытопанной до голой земли, по сухому сезону – твёрдой как камень. А я остался наедине со своими мыслями. Были они какие-то нерадостные и неуютные. В первую очередь думалось о том, что я, в сущности, самозванец, которого совершенно чужие люди долгие месяцы выхаживали и кормили, а хороший человек Темануй потратил на меня целых шесть дней, нанося защитные татуировки, поил и кормил с ложечки, пока я валялся с жаром, а потом ещё попытался вложить в мою голову чуток знаний об окружающем мире.

Следом за раздумьями о чужом месте, которое я занял в этом мире, в голову полезли всякие совсем уж идиотские мысли о смысле жизни и предназначении. Поскольку к философии во всех её формах я особой склонности никогда не имел, то извечные вопросы человеческого бытия очень быстро свелись к тому, что я могу сделать для окружающих.

Впрочем, в этих своих раздумьях я только и успел сформулировать самую общую цель: улучшить жизнь жителей Пеу. В последующие несколько недель думать было некогда.

Началось всё с неожиданного ночного визита на моё лежбище девицы из числа завсегдатаек Мужского дома. Стеснительность стеснительностью, но когда к тебе в штаны (точнее, под набедренную повязку) лезет молодое и горячее женское тело, инстинкты срабатывают как надо. Следующей ночью – новая гостья. В общем, дней двадцать, наверное, ночевать одному не приходилось. С учётом того, что от работы в поле или на сборе морепродуктов на отмелях меня никто не освобождал, мыслей особых не было, разве что: «Что бы это значило?»

Ночные визиты стали происходить с несколько меньшей регулярностью, когда в Мужской дом заявился староста со своей свитой (один он появлялся редко, обычно всегда в окружении десятка, а то и более прихлебателей) и заявил, что пора Сонаваралинге, то есть Ралинге из племени сонаев, то бишь мне, обзавестись своим жильём и вообще хозяйством.

Хижину ставили бригадой в полсотни человек, в основном из обитателей Мужского дома: кто утрамбовывал и выравнивал глиняную площадку, кто из гибких веток вязал щиты, предназначенные для возведения стен, кто крепил их верёвками из лиан. В общем, по бестолковости и обилию лишних движений всё это напоминало выход студентов на субботник: если бы не несколько взрослых мужиков, которые худо-бедно весь этот молодёжный обезьянник организовывали и направляли в производительное русло вместо задирания друг друга, то не знаю, сколько бы продолжалось строительство. А так управились за день. На завтра, правда, те же организаторы и вдохновители прошлись по стенам, кое-где подтянув держащие всю конструкцию верёвки, подёргали солому (или как там называется нарванная трава) на крыше. Потом появился староста в сопровождении шамана. Тот побегал вокруг новостройки со своим магическим арсеналом, поотпугивал враждебных духов противным голосом и зловонным дымом каких-то трав – на мой взгляд, нечисти хватило бы и «пения» специалиста по колдовству, ну, тому виднее. Заодно шаман придиричиво осмотрел мои татуировки. Работой Темануя он остался вполне удовлетворён – пару раз только скептически буркнул что-то невнятное: видно,

имелись определённые расхождения в сонайской и бонхойской школах резьбы по живому. Ну ладно, это профессиональные разборки, людей необразованных не касающиеся.

После санитарно-магической обработки моего нового жилища староста толкнул чувственную речь насчёт бонхойско-сонайской дружбы, которая будет и в будущем только крепнуть и развиваться. И о Сонаваралинге, как символе этой самой дружбы. Говорил он в характерном для торжественных и ритуальных случаев витиеватом стиле с использованием огромного количества малоупотребляемых в обыденной речи слов и выражений. Но общий смысл я прекрасно понял. Как и то, что со мной возятся из-за принадлежности к сонаям, с которыми у жителей Бон-Хо не очень простые отношения, остававшиеся для меня не до конца ясными.

Мне опять стало неудобно и захотелось чего-нибудь на-прогрессировать местным папуа-сам. Но, увы, был заедал: то обустройство хижины, то ночное общение с очередной гостьей, то работа на общем, так называемом «мужском» поле. Как я понял, свой участок баки и коя каждая семья обрабатывала сама, коллективными усилиями только регулировали подачу воды на поля. Но неженатые мужчины и подростки из Мужского дома кормились как раз с такого специального «мужского» поля, на котором они и работали. Надо сказать, особого усердия при этом не проявляли, и это поле выглядело по сравнению с семейными участками запущенным и заросшим сорняками. Так что колхоз и в каменном веке демонстрировал свою ущербность перед частным хозяйством. Что и неудивительно, ибо, как и в советском колхозе, «мужской» урожай шёл не напрямую холостякам и подросткам, его выращивающим, а сначала собирался в амбарах в центре деревни, а уж оттуда распределялся старостой, который старался и себя не забывать, и своим прихлебателям подкинуть чего-нибудь. Правда, он действовал, по сравнению с российскими чиновниками, весьма умеренно: большая часть продовольствия действительно возвращалась тем, кто его вырастил, а какая-то уходила на общедеревенские пиршества. И только совсем немного доставалось старосте и его свите. В итоге наш деревенский босс в основном кормился за счёт личного хозяйства, где вкалывали по большей части его жёны и прочая родня.

Кстати, неожиданно я понял, что уже неплохо понимаю окружающих и могу довольно внятно изъясняться на местном языке. Открытие это я сделал, когда внезапно понял причину внимания со стороны прекрасной половины деревни. Оказывается, «ралинга» означает некое растение с длинным и толстым корнем (используется как пряность). Не знаю, как у сонаев, а у бонхойцев термин этот также является одним из обозначений мужского полового органа – причём не абы какого, а всегда готового к работе. Вот местные девицы и принялись проверять меня на соответствие имени. К каким выводам они пришли, осталось для меня загадкой. Но, судя по тому, что ночные визиты, как я уже сказал, стали намного реже, возлагаемых надежд я не оправдал.

Тут на ум пришло, что «сонав» – это горы, вернее, гора. Ничего себе, меня, оказывается, окрестили Хреном С Горы. Ну, спасибо...

* * *

Сельхозработы временно затихли, девицы почти перестали баловать вниманием. В общем, появилось время для размышлений на тему «Как нам обустроить Пеу».

Итак, что может предложить для облегчения жизни своих новых соплеменников Куверзин Олег Анатольевич, двадцати четырёх лет от роду, выпускник химического факультета по специальности «органическая химия», имеющий за плечами с трудом оконченную военную кафедру, неполный год работы химиком-криминалистом в областном УВД и две недели командировки на Кавказ, где и напоролся на автоматную очередь? А получается, практически ничего. Все мои познания в области химии оказывались малоприменимы в условиях то

ли палеолита, то ли неолита (интересно, чем они отличаются): теоретически я мог попробовать наладить выплавку меди или железа, но совершенно не знал нужных минералов; огромный багаж информации по органической химии был бесполезен без кучи реактивов и разнообразного оборудования. Даже самогонный аппарат, чтобы с тоски и безнадёжности напиться, в моём нынешнем положении соорудить невозможно.

Идея получения металлов выглядела наиболее осуществимой – при условии, если я найду сырьё. Тогда можно в массовом порядке облагодетельствовать моих папуасов металлическими орудиями. Импортное оружие на глаза попадалось, а вот импортные лопаты или мотыги чего-то нет. А деревянной палкой-копалкой и костяной тяпкой работать – удовольствие ниже среднего, успел уже убедиться на личном опыте.

Для металла нужны, во-первых, руда, во-вторых, уголь. С углём проблем быть не должно – древесный будем выжигать. А вот с рудой...

При отсутствии познаний в минералогии я решил действовать методом перебора. И принялся лазить по окрестностям, подбирая камни, которые, по моему мнению, могли оказаться рудой. Попутно пробую вспомнить всё, что знал когда-то о рудах металлов. На ум приходили только бурый и магнитный железняки из железных да малахит из медных. Это оксиды. Вроде бы должны быть ещё сульфиды. Но внешний вид искомым минералов я представлял себе весьма приблизительно: малахит должен быть зелёным или голубым, железняки – бурыми, коричневыми или красными.

Через неделю шатания по окрестностям Бон-Хо я натаскал к своей хижине кучу камней. И приступил к их обжигу на костре, разведённом возле дома. Особых успехов добиться не удалось: часть потрескалась на огне, часть внешне не пострадала.

Пару дней я пребывал в депресняке по поводу неудачи. Потом вновь начал думать. Вероятнее всего, дело в низкой температуре: если память мне не изменяет, дрова дают от силы пятьсот градусов, а металлы восстанавливаются и плавятся... Так, напряжём мозги. Железо – не то при полутора тысячах, не то при тысяче семистах, медь на несколько сотен градусов ниже. Вот такую температуру и нужно обеспечить. А кто у нас в деревне лучше всего разбирается в нагреве? Правильно, гончар. Вообще-то поделками из глины занимались в Бон-Хо многие, но только Понапе, пожилой хмурый мужичок, сильно припадающий на правую ногу, был признанным специалистом своего дела, по крайней мере, большая часть деревни при нужде в посуде обращалась именно к нему.

На моё желание освоить гончарную науку Понапе посмотрел мрачно, пробурчал что-то себе под нос и махнул рукой – давай, мол. Впрочем, уже через пару дней его отношение ко мне стало поприятней. Видимо, оттого, что на фоне других учеников гончара я выглядел если не гением, то подающим надежды.

Всего на основательно загаженной и вытопанной поляне, лежащей в нескольких минутах ходьбы от последних хижин деревни, тусовалось в пределах десятка индивидов всех возрастов. Из них двоих можно было отнести к самостоятельным мастерам, которые вместе с Понапе пользовались печами и прочим, но при этом то и дело спрашивали совета хромого. Ну и в отличие от не имеющего семьи Понапе они не торчали в мастерской под открытым небом с утра до вечера. Ещё некоторое, не совсем определённое число ошивающихся принадлежало, если так можно выразиться, к керамистам-любителям – эти приходили обычно раз в два-три-четыре дня. Ну и собственно ученики – два паренька лет пятнадцати и девчушка примерно такого же возраста. Эта троица в основном паслась возле Понапе, пытаясь постичь тайны гончарного ремесла. Получалось у них, особенно у пацанов, не очень хорошо – не то по причине отсутствия педагогических талантов у хромого, не то в силу собственного раздолбайства.

Так что ваш покорный слуга со своими весьма расплывчатыми теоретическими познаниями о керамическом производстве и вколотенным десятью годами школы и пятилеткой уни-

вера представлением о дисциплине очень быстро вырос в глазах скупого на похвалы, зато щедрого на весьма замысловатую ругань мастера.

Увы, главная моя цель, достижение высоких температур, пока откладывалась: туземцы использовали для обжига посуды простые дровяные печи без всякого принудительного поддува. Правда, тяга в устроенных Понапе печах была о-го-го. Кстати, именно умение сооружать печи с мощной тягой и поддерживать конструкцию в рабочем состоянии и было одной из составляющих мастерства хромоногого гончара наряду со знанием свойств глины, выкапываемой в разных местах, и кучей всяких тонкостей, связанных с её обработкой, от которых пухла голова.

И кто сказал «примитивное производство»? Таких вот снобов самих заставить бы запомнить (опять же, без помощи каких-либо записей, заметьте!), как отличать друг от друга все четырнадцать видов глины, встречающиеся вокруг Бон-Хо, как и в какой последовательности мешать каждую разновидность с песком, толчёным углём или птичьим поухом, а потом – многочисленные «нужно» и «нельзя» при формовке, сушке и обжиге изделий. Так что критически осмысливать всю эту лавину обрушившегося на меня скопища знаний и приёмов я был способен только месяца через четыре, когда Понапе уже чаще молчал (что означало одобрение), нежели ругал меня.

Первое, что бросалось в глаза, кроме некоторой корявости посуды (находящейся в прямой зависимости от корявости рук – если у меня выходило, особенно поначалу, сплошное безобразие, то Понапе или Алиу, как звали девчонку, лепили вещи просто загляденье), делавшейся без гончарного круга, это отсутствие глазуровки, из-за чего влагу керамика нашего производства выдерживала плохо. Отчасти спасала смола некоторых деревьев, которую наносили на посуду вроде лака. Но, во-первых, её было мало, во-вторых, технология нанесения была очень муторной: хотя твердела смола очень долго (если хотите, чтобы чашка не облезла через два дня, сушите несколько недель на воздухе, и вообще, чем дольше, тем лучше), для получения более-менее приемлемого результата нужно было собрать её как можно более свежую, ещё жидкую, аккуратно и равномерно размазать кисточкой по поверхности. Даже чуть затвердевшую смолу использовать было бесполезно: с водой её размешать, конечно, можно, только держаться на глине нормально она уже не будет.

Самые общие соображения подсказывали мне, что в органических растворителях, хотя бы в спирте, смола эта должна растворяться без потери свойств, а может, даже и с улучшением качеств. Ну где же спирт взять, не говоря уж о толуоле или бензоле. Брагу из фруктов или баки местные широко использовали, но как из неё отогнать самогон хотя бы градусов семидесяти, имея из пригодной посуды только керамику собственного производства, без змеевиков и холодильников, я не представлял.

От лака мои мысли перешли к глазури – это не то легкоплавкая (ага, «легко»... тысячи полторы градусов) глина, не то стекло. Скорее, всё же стекло. Для получения стекла нужно... Проклятие, учиться нужно было лучше! Вспоминаем, вспоминаем... Ага: песок, уголь, известь!!! Для получения извести нужен мел или мрамор, или ещё какой-нибудь известняк. И температура около тысячи градусов. Причём неизвестно, что проще – достичь такой температуры или же найти материал для обжига, при моих-то познаниях в минералогии.

Так получилось, что в итоге и мысли мои, и действия далеко ушли от первоначального замысла насчёт металлургии. А всё потому, что маловато у меня знаний: тут геолог нужен, определяющий на глаз и зуб руды и минералы, а не химик.

Впрочем, к концу сезона дождей я сумел в разговорах с Понапе выработать некоторое подобие плана работ.

Во-первых – уголь. Древесный, конечно. Из растущих на сырых местах деревьев, похожих на ивы. Подобно земным ивам, тонкие и гибкие ветки местных аналогов шли на плетение корзин. И точно так же, как ивы, эти деревья были весьма живучи – на полях мне доводилось

мучиться с их побегами, норовящими прорасти то тут, то там. Учитывая живучесть и способность к росту туземных ив, я мог не беспокоиться, что расширение масштабов производства вызовет экологический кризис.

Во-вторых – меха. Хромоногий гончар вынужден был поверить мне на слово, какая это замечательная штука. Заодно он разрешил высказанное мной затруднение насчёт прочных шкур. Из сухопутных животных на острове не было ничего крупнее домашней свиньи, но, как оказалось, на прибрежных пляжах устраивают лежбища какие-то ластоногие, именуемые папуасами гиликуму, отличающиеся дубовой шкурой. У них она идёт на доспехи и обувь. Целятся тюленьи (пусть будут тюлени, чтобы сильно не заморачиваться) шкуры весьма высоко, но Понапе обнадёжил, что сумеет обменять нашу продукцию на пару-тройку таких шкур отличного качества. Разумеется, при нагнетании воздуха мехами придётся попотеть. Надеюсь, делать это придётся не мне – пусть два оболтуса, от которых всё равно толку меньше, чем от Алиу (или, как я прозвал её про себя – Алки), поработают, чтобы жизнь мёдом не казалась.

Глава 3, *в которой герой совершает серьёзную педагогическую ошибку, повлёкшую ещё более серьёзные последствия*

За стеной хижины шумит дождь. Как же он надоел. Казалось, всё пропиталось сыростью. Что-то рано сезон дождей в этом году наступил. Впрочем, это со слов стариков, того же Понапе.

Опять перерыв в работе мастерских. Предлагал же я хромоногому построить крышу над печами, чтобы можно было работать и в дождь. Хотя он прав – опасная затея: достаточно одной искры, чтобы навес из тонких веток, пальмовых листьев и травы вспыхнул за милую душу. Но как всё-таки обидно и скучно сидеть в полутьме хижины, когда есть куча идей и задумок. Алка бы пришла, что ли...

В углу валялись кучей серых кож мехи – первый мой опыт технического прогрессирования. Мягко говоря – не вполне удачный. То есть воздух, они, конечно, гоняли, но, во-первых, делали это периодически, с паузой в несколько минут на набор следующей порции, во-вторых, требовали большой физической силы, в-третьих, внутренний каркас, обеспечивающий их автоматическое выпрямление и наполнение воздухом, сделанный в виде перевёрнутой неглубокой корзины из местного ивняка, при высыхании быстро терял упругость, и приходилось его то и дело замачивать, рискуя получить размокание рыбьего клея, герметизирующего швы, в-четвёртых, впускное отверстие требовалось затыкать вручную. Вроде бы должны быть какие-то клапаны, причём простые: средневековые кузнецы, если верить картинкам из учебника истории, уже пользовались вполне нормальными кузнечными мехами. Но как этот самый клапан сделать? Так что использовалось это «чудо» инженерной мысли нами всего несколько раз. Полдня мучений с нагнетанием воздуха, затыканием дырки и выдавливанием воздуха в пламя печи через оставленную дыру в стене, вечером – профилактическое смачивание прутьев, для сохранения гибкости. И в итоге на десяток чашек получали пару-тройку, выдержавших обжиг при более высокой, чем раньше, температуре. Впрочем, Понапе мало-помалу, подбирая подходящую глину, рецептуру смеси и условия обжига, добивался всё большего выхода годной продукции – первые два раза вообще всё трескалось. Мне бы его упорство и оптимизм.

* * *

Ну и намучился же я за этот год, который пролетел с того дня, как я впервые подошёл к Понапе с просьбой научить меня основам гончарного ремесла. И ради чего мне, идиоту, надо было променять покойную и размеренную жизнь деревенского придурка с сезонными сельхозработами, с варёными корнеплодами два раза в день, крепким сном и брагой со свининой по праздникам.

И на что променять: на копанье глины (деревянной палкой – то ещё удовольствие), таскание её в корзине к печам (а если корзина порвалась, вязать новую), на перемешивание ручную глины (не знал, что для приготовления годной для лепки посуды массы необходимо так с ней возиться). А потом ещё многочисленные эксперименты: выжигание угля в куче, заваленной дёрном, и в глиняном горшке (во второй раз удалось получить немного чего-то дётеподобного, пока хранящегося в ожидании применения в кувшинчике, отчаянно воняя – хорошо, в мастерских, а не дома). Обжиг мела в известь. Методом тыка мел удалось найти, как это ни странно, а вот известь получилась не ахти: при добавлении воды что-то, конечно, шипело и даже слегка нагревалось, но была получившаяся извёстка сероватого цвета с многочисленными комками. Затем попытался провести сплавление песка, золы, мела и угля: выходило всё, что

удовно, кроме стекла. И кто придумал байку, что стекло получили чисто случайным образом на костре, в котором оказалась сода? Самого заставить бы повторить этот опыт. И гвоздь программы – сшивание тюленьих шкур в мешок (костьяными иглами, бя!). Попытка свалить данную часть работы на Алку-Алиу разбилась не то о неспособность папуаски понять, что нужно сшить, не то о моё неумение внятно объяснить.

И ещё меня никто не освобождал от работы на полях или строительстве хижин для соседей (помощь односельчанам считалась в Бон-Хо вещью само собой разумеющейся).

И что я имею в итоге после года напряжённого труда?

В активе – заметный прогресс в овладении местным языком: бегло говорю, практически всё понимаю и даже умудряюсь иногда мрачно шутить. Как-никак лучший способ выучить язык – общение с его носителями, а в процессе совместного труда общаться приходится много. Из технологического прогрессирования – сооружение коряво работающих мехов, получение древесного угля, дёгтя (из него можно получить метиловый спирт, ацетон, уксусную кислоту, что ещё?), внедрение нового строительного материала – обожжённых кирпичей. Мучений с ними было немало – если бы не упорство Понапе, фиг чего получилось бы вообще. А так – получилось... Хреново вообще-то получилось – аналог местной глиняной посуды, боящейся воды, только в виде параллелепипеда (раза в три больше привычных мне земных кирпичей) и худшего качества – кирпич и есть кирпич.

Но Понапе был в полном восторге. Раньше гончарные печи практически не подлежали ремонту: они лепились из той же глины почти так же, как и посуда, и через некоторое количество циклов использования приходили в негодность, трескаясь и разваливаясь, и от этой спёкшейся кучи больше никакого проку не было – разве что часть прокалённой глины Понапе, измельчив в пыль, добавлял в материал для новых чашек и кружек. Сейчас же, как только состояние печи становилось угрожающим, мы могли большую её часть пустить на строительство новой. Приходилось доделывать несколько рассыпавшихся и пришедших в негодность блоков-кирпичей и изготавливать новые колосники.

С колосниками Понапе опять же уел меня. В печах «по-старому» их вылепляли так: доведя стенки печки до определённого уровня, клали сверху несколько толстых палок, пространство между которыми заполнялось той же глиной. После подсыхания строительной массы деревяшки вытаскивали и получали каналы-воздуховоды, создававшие неплохую тягу. Когда мы стали переходить к блочному сооружению печных стен, я думал, что колосники-то можно делать как прежде. Но начальник решил распространить новый принцип и на них тоже. Единственное, что я мог предложить, – это попробовать сделать вместо двух-трёх отверстий штук десять – как в знакомых мне чугунных колосниках. Десяти, правда, не получилось, но пять-шесть каналов мы сделать сумели. Единственным недостатком была необходимость руками осторожно устанавливать глиняную плиту весом больше центнера. После того, как мы вчетвером (я, Понапе и молодые обалдуи) один колосник угробили, едва не обеспечив главному гончару инвалидность и по здоровой ноге, моё предложение делать сей девайс из двух частей приняли на ура.

Ещё бы сделать третий, нижний отсек – вроде поддувала привычных мне печек, а то Понапе иногда начинал психовать, когда ветер, под преобладающее направление которого всё устраивалось, вдруг стихал или, что хуже, менял направление, из-за чего обжиг приходилось зачастую прекращать. Так что меха мои годились и для таких случаев тоже.

Негусто с успехами: в фантастических книгах попавшие к дикарям герои ударными темпами организовывали производство огнестрельного оружия и совершали промышленный переворот...

В пассиве, кроме затраченных усилий и времени да многочисленных ожогов, – неудачи со стеклом и по-прежнему непонятки с тем, куда же меня всё-таки занесло.

Познания мои об окружающем мире, конечно, сильно расширились. Теперь я знал, что Бон-Хо – это одно из восьми селений племени бонхо, область называлась также – Бонхо, но слитно. Текущая с севера на юг река, воды которой и использовались чаще всего для орошения полей, как я говорил, именовалась Боо. Вся эта область, в общем-то, представляла собой полосу вдоль реки от её устья на морском побережье до спадания с гор, расширившись до пятнадцати–двадцати километров. Протяжённость Бонхо в северном направлении до границы с Сонавом оставалась не совсем ясной, но, если я правильно истолковал слова Понапе, не превышала сорока километров. Бонхо, в свою очередь, находится на острове, который незамысловато называется Пеу – то есть остров.

Жило в Бонхо также своими деревнями и племя суне, занимавшее подчинённое по отношению к бонхойцам положение. Как я понял из преданий и рассказов стариков, давным-давно пришельцы-бонхо завоевали землю предков суне, отобрали часть их земель и заставили платить дань. Каждое бонхойское селение имело от одного до трёх сунейских, обитателям которых приходилось поставлять хозяевам определённый набор продуктов и ремесленных изделий.

Всё многообразие племён Пеу говорит не то на родственных языках, не то на диалектах одного языка, так что друг друга они все понимают. Племян же много: кроме бонхойцев, суне и сонава, о которых я уже упомянул, есть ещё рана и сувана на востоке, а также текоке, тесу, талу, хоне, вэе, ласу, тинса, ванка и другие на западе. Весь остров при желании (и если никто не проломит голову чужаку) можно обойти за несколько недель.

Но положение этого острова на местном глобусе оставалось загадкой. Явно в южном полушарии (если, конечно, солнце здесь встаёт на востоке). И довольно близко к экватору, поскольку за всё время я не припомню, чтобы хоть раз было холоднее плюс двадцати с хвостиком. И в океане. На этом всё. Где находится этот океан, какие другие острова и земли есть ещё в этом мире – на все эти вопросы никто ответа дать не мог.

* * *

За плетёным пологом, заменяющим дверь в жилищах папуасов, послышался шум, выведший меня из полудремотного состояния. Через мгновение в хижину ворвалась Алка, она же Алиу, она же – полстраницы местной отборной ругани, когда Понапе был не в духе. И принялась тараторить обо всём на свете. Что бы я делал без этого агентства местных новостей? Не ведал бы, наверное, ни о чём, кроме гончарных печей.

Буквально за минуту я узнал, что староста побил свою вторую жену, которая, впрочем, успела поставить ему ответный фингал и убежать к родне в соседнюю деревню. Свита нашего сельского босса хранила в этом конфликте нейтралитет. Что у толстого Боре свинья принесла целых двенадцать поросят – кстати, можно обменять одного из них, когда подрастёт, на новые не размокающие в воде чашки, которые мы (то есть я, Алиу и Понапе) научились делать, всего одну чашку за поросёнка, она уже узнавала. А загон сделать можно рядом с твоей хижинкой, Ралинга. Места хватает. Заметив проявление недовольства на моём лице, подруга сменила тему.

Я и сам не знал, что думать о наших с ней взаимоотношениях. Как-то само собой чисто рабочие отношения также чисто в рабочем порядке перешли в горизонтально-циновочную (точнее, коленно-локтевую, поскольку позиции, именуемой миссионерской, туземцы, ха-ха-ха, не знают, хотя нет, уже – «не знали») фазу. В общем-то, у местных в порядке вещей и секс до брака, и даже длительное сожительство до свадьбы. Меня самого такая личная жизнь пока более-менее устраивала: и ночь есть с кем провести, и поесть приготовит (кулинарные технологии каменного века мне самому как-то туго давались – так что после переселения из Мужского дома и до Алкиного появления под крышей моего жилища частенько приходилось довольствоваться то полусырой, то сгоревшей едой), и поговорить можно на интересные мне темы.

Но узаконивание наших отношений несколько пугало меня. Главным образом из-за местных понятий о родне, согласно которым, женись я на Алке по официальным папуасским правилам и обрядам, все её родные и прочие братья, сёстры, дядьки-тётки, племянники могут припереться в любое время ко мне в гости и на полную катушку пользоваться моим гостеприимством, а если плохо встречу, то есть стол будет скудным, ещё и жадным жлобом ославят. Наслышан о подобных особенностях родственных отношений. Тивори, один из двух оболтусов, делающих вид, что учатся гончарному делу у Понапе, постоянно, появляясь после выходны... тьфу ты, двух-трёхдневной отлучки, жаловался на скупую родню: типа, придёшь в гости повеселиться, в общем, пожрать, а тебе вместо свинины под специями – печёного баки (смешно, но в таком контексте упоминание этого слегка вытянутого корнеплода у папуасов имеет то же значение, что и «хрен тебе» у русских). Да и вмешательства в семейную жизнь со стороны потенциальной родни, которой тут полдеревни, тоже чего-то не хочется. Так-то родственники Алиу могут предъявить мне что-либо, если бы я её побил. А в случае официальной регистрации отношений у нашего шамана, сразу нашлось бы немало желающих поучить жизни молодожёнов. Потому меня вполне устраивало нынешнее состояние, когда Алка делила время между моей полухо-лостячкой хижинкой и жилищем своего многочисленного семейства.

Вот и сейчас, столкнувшись в очередной раз с моим неприятием её попыток обустроить совместный быт, моя подруга перешла к своим семейным радостям и горестям. Вторых было больше. Например, умер после недели жара и поноса с рвотой её двоюродный брат, спокойный карапуз, ещё не удостоившийся имени. Я помрачнел ещё больше. Она, заметив это, съёжилась и готова была забиться в угол.

– Плохо, – сказал я, – когда дети умирают.

– Плохо, – согласилась Алиу, обрадованная, что, оказывается, я не на неё за что-то осерчал, а огорчился из-за гибели мелкого.

Ну да: малолетний кузен ещё и имени не получил, да и вообще – умер уже, а Ралинга – коллега по работе и просто хороший человек (настолько хороший, что даже затрешины не отвесит, когда злится).

– Ралинга, – произнесла она после недолгого молчания, – староста говорит, что надо кому-то идти в Мужской дом.

– Зачем?

– Учить делать посуду.

Понятно, значит, показывать мастер-класс по керамике молодым павианам (иначе я обитателей Мужского дома про себя и не называл). И этим «кто-то» буду я. Алка отпадает, потому что женщин тамошняя публика воспринимает только как нечто, что можно трахнуть. Исключение делалось лишь для нескольких старух, не имеющих в глазах страдающих сперматоксикозом подростков сексуальной привлекательности в силу возраста и склочности характера. И которые поэтому могли безбоязненно преподавать молодняку те или иные премудрости.

Невысокий и щуплый Понапе, чья хромота служила предметом насмешек со стороны небитых жизнью молодых дебилоидов, тоже не годился на роль учителя столь сложной с точки зрения педагогики аудитории. Так что оставался Ралинга. Моё сонайское происхождение и массо-габаритные характеристики, превышающие туземные, позволяли надеяться, что я буду пользоваться авторитетом, достаточным для поддержания дисциплины на должном уровне. Удобная палка, вырезанная полгода назад, стоит в углу: пусть я со своим метром семьдесят шесть заметно крупнее большинства местных, а моё тело в неплохой физической форме благодаря постоянному пешему передвижению (от хижинки до гончарных печей с полкилометра будет точно, плюс походы за сырьём и минералогические экспедиции), работе в поле и вымешиванию глины вручную, но всё-таки надёжнее подкрепить всё это дрыном – непременно спутником каменно-векового педагога.

– А почему нужно идти в Мужской дом? – для порядка спросил я. – Пусть сами приходят к печам.

– Так дождь же, – ответила подруга.

Дождь так дождь.

Я сейчас больше думал об умершем от поноса Алкином кузене. Смертность среди детей была просто чудовищная, и местных такое положение дел не сильно беспокоило: иногда складывалось такое впечатление, что им проще нового сделать, чем заболевшего выходить – раз духи захотели уморить не получившего имени сопляка, такова его судьба.

В общем-то, мрут дети и постарше, подростки, и взрослые – от желудочно-кишечных инфекций; от ран, зачастую совершенно пустяковых, потому как об антисептике никто понятия не имеет, от каких-то неведомых болезней. Острых отравлений деревянной дубинкой по голове или каменным ножом в печень тоже никто не отменял, например, меньше месяца назад парочка горячих папуасских парней умудрилась уконтропупить друг друга из-за девки. Причём народ, большей частью, радовался, что одновременная гибель фигурантов избавила родню с обеих сторон от очередной вендетты – при местной системе родства, когда за каждым стоит не один десяток суровых мужиков, обещавшей быть длинной и кровавой.

А нашему старосте в таком случае пришлось бы выбирать – или карать убийцу (а за убийство наказать можно только убийством – строго здесь), рискуя вызвать ненависть со стороны родни наказанного, или же смотреть, как подотчётный ему контингент режет друг друга. Не угадаешь, что хуже. В первом случае есть вероятность и на удар дубинкой в укромном месте нарваться, и потерять часть свиты из числа родни убийцы. Во втором – дожидаться того, что одна половина деревни будет резать вторую. В том числе и свитские, тоже приходящиеся родней той или иной стороне. Так можно доиграться или до лишения власти (поскольку подобный бардак народ терпеть долго не будет, даром что сами же его и устроили), или до той же дубинки по голове – только уже в открытую, поскольку охрана занята будет разборками между собой. Что ни говори, вредная всё же работа у местного начальства.

Обычно умные туземцы, доведись им прибить кого-нибудь из односельчан, чтобы не втравливать родню в кровавые разборки, сразу пускаются в бег: в таком случае семья потерпевшего, согласно местным адатам, имеет право отправить по Тропе духов близкого родственника убийцы, но чаще всего здесь уже власти старосты хватает, чтобы пресечь резню по кости и мясу. Да и родня с обеих сторон, как правило, понимает прекрасно, что от раздувания конфликта хуже будет всем, а мстить следует непосредственному виновнику.

Другой вопрос, что молодняк, чаще всего и творящий такие дела, думать головой не умеет. Но, как правило, родственники ухитряются объяснить «мокрушникам» правильную линию поведения. А там уж как повезёт: если на новом месте беглеца не убьют сразу же (что не редкость, ибо дикари-с), то кто прибивается к свите того или иного вождя, кто спокойно живёт, с возрастом теряя молодую дурь, ну а особо буйных всё-таки успокаивают обычным для этих мест способом новые соседи...

Алка между тем успела развести под навесом снаружи костерок и теперь тушила в горшке клубни коя, добавив туда щепотку горьковатой морской соли и травы для запаха и вкуса. Дождь почти прекратился. Я выбрался из хижины, привлечённый ароматом. Моя папуаска сидела и что-то разглядывала в паре шагов от очага.

– Муравьи, – сказала она, подняв голову при звуке моих шагов.

– Ага, – согласился я.

Новость тоже – пара муравейников с крупными, чуть не в сантиметр длиной, чёрными обитателями появилась под стенами дома уже давно, с начала сухого сезона. Иногда, когда было настроение, я мог посидеть на корточках последить за жизнью муравьиного сообщества. А порой вопрошал: не станут ли они жрать моё обиталище?

В ответ на отсутствие энтузиазма я был награждён небольшой лекцией о гастрономических характеристиках муравьиных яиц. Мой наивный вопрос о вкусовых и питательных качествах самих муравьёв вызвал бурное веселье моей подруги: «Ты что, они же твёрдые. И кислые».

Занялись ворошением муравьиных гнёзд. Совесть мою, протестующую против столь варварского отношения к безобидным лесным трудягам (подумаешь, пару раз меня они кусали), Алка успокоила тем, что они действительно грызут дерево и траву – так что за несколько лет, размножившись, вполне способны превратить меня в бомжа. Яиц насобирали с пригоршню. Девушка завернула их в широкий лист, вроде лопуха, и сунула в уголья.

Вышло недурно, не зная, что это, решил бы – какая-то икра странного вкуса. Сдаётся, на общедеревенских пирушках я их и раньше ел.

Дождь, чуть-чуть ослабнув, к утру опять разошёлся. Так что мастер-класс в Мужском доме работе в гончарной мастерской не помешает – по причине того, что делать там особо нечего: куча требующих хорошей сушки и обжига поделок и так ждала своей очереди, нового лепить точно не стоит, уже готовое бы от атмосферной сырости и дождя не раскисло.

На нашу поляну я заглянул забрать кое-какие инструменты да посмотреть, не протекает ли навес, под которым стояли готовые изделия. Понапе был, как всегда, на месте. Я поговорил с ним о том о сём, помог перетащить циновку, на которой сушились чашки, в сухой угол. Кстати, надо подумать, как соорудить некое подобие стола, чтобы избежать контакта ждущих обжига изделий с сырой почвой. Туземцы с сиденьями знакомы были, а вот со столами, как ни странно, нет, сервируя для еды циновки, лежащие на земле.

Заодно неплохо было бы ввести в местных домах полы, а то здесь ограничиваются чуть приподнятой площадкой, насыпанной из окрестного грунта, утоптанного до плотного состояния. Многие выстилают его нарванной травой. Особо эстетствующие плетут коврики из той же травы и веток. У старосты вон имеется плетёный пол на всю хижину – эксклюзивная работа. Правда, его жёны, живущие в трёх строениях рядом, довольствуются кучей маленьких ковриков. Но ходить по этим плетёнкам, изобилующим неровностями и узлами, удовольствие не очень. Хотя, может, это обеспечивает какой-то массаж ног...

Из мастерских я напрямик потопал по лужам и грязи в Мужской дом. Когда добрался, Вокиру, наш шаман, вёл урок туземной географии с элементами экономики и этнографии. Большую часть того, что говорил распространитель религиозно-мистического опиума, я и так знал. Что с сонаями-сонава у бонхойцев мир и постоянные торговые контакты. Что из западных племён жители Бонхо непосредственно контактируют только с обитающими на морском берегу к западу от устья Боо ванка. С другими же племенами западной части острова все контакты идут через Сонав.

С племенами рана и сувана у бонхойцев изредка случаются вооружённые столкновения. По словам моих односельчан, эти восточные соседи – сущие дикари, живущие в норах и на деревьях, трусливо нападающие из засад, но боящиеся открытого сражения.

Что до моих псевдосоплеменников сонава-сонаев, то они «вылезли» из своих гор посреди острова несколько поколений назад и завоевали почти весь Пеу. На западе, как я понял, сонאי частично перемешались с местными жителями, а верхушка стала тамошними вождями. Здесь же они поселились в трёх деревнях на побережье, отобрав часть сунийских деревень-данников у бонхойцев. Любви со стороны последних это, разумеется, не прибавляло, но горцев (ага, и тут тоже дети гор всех строят) побаивались. Вот одно из этих трёх сонайских селений, построенное в неудачном месте, и смыло цунами. А мне повезло оказаться рядом и быть принятым за его свихнувшегося обитателя.

Кстати, из разговоров и рассказов о стародавних временах я выяснил, что формально та часть Пеу, которая в своё время была завоёвана сонаями, по-прежнему является единым государством, а правители отдельных областей подчиняются сидящим в Тенуке, племенном

центре Текоке, королям-тиблу. Причём власть этих тиблу наследственная, по крайней мере, уже минимум четыре поколения должность эту занимают потомки предводителя сонайских завоевателей. Впрочем, наш староста тоже принадлежит к семейству, которое рулит в Бон-Хо уже почти сто лет – с того времени, как сонаи отправили по Тропе духов прежнего местного босса, не проявившего должного понимания в отношении политических перемен, и поставили рулить деревней его дальнего родича, продемонстрировавшего большую гибкость. Так что, скорее всего, на западе то же самое, что и у нас: разве что сонаи отчасти перемешались с местной верхушкой да чужие корабли приплывают чаще.

Здесь же каждое появление чужаков из-за моря становилось предметом разговоров и пересудов на многие годы. Как тот визит в Аки-Со, после которого появился на свет настоящий Ралинга, или семилетней давности случай, до сих пор вспоминаемый по всему Бонхо благодаря выгодному обмену, когда местные «большие люди» обзавелись несколькими металлическими предметами.

Вообще такой роскошью (внушительного вида тесаки – что-то среднее между ножом и мечом, топоры, браслеты, кольца) имели возможность гордиться самые продвинутые из папуасов. Тесак стоил, например, двадцать с лишним корзин коя – количество, достаточное для пропитания в течение двух месяцев типичной местной семьи, насчитывающей обычно три или четыре поколения – от глубоких стариков до мелюзги, не удостоившейся ещё имён. Или же три взрослых свиньи. Что до топора из жёлтого металла, то наш старейшина, по словам Понапе, обменял его на двадцать корзин коя, четыре свиньи и четыре большие циновки.

В основном же металлическое оружие и украшения попадают в Бонхо с западной половины острова вместе со случайно забредшими обитателями тех краёв или через жителей Старого Сонава – как правило, не больше трёх-четырёх изделий в год. Оттуда же попадает и гладкая заморская керамика, вызывающая лютую зависть у Понапе. Правда, импортных горшков, чашек и ваз было ещё меньше, чем металлических орудий – видимо, из-за меньшей их сохранности при транспортировке.

Складывалось впечатление, Бонхо и Текок образовывали две практически полностью замкнутые системы, все контакты между которыми шли через Сонав. Не знаю, как там, на западе, но у нас (надо же, я уже начинаю отождествлять себя с местными) существовало определённое разделение труда. Например, жители побережья, к которому относились, кроме Бон-Хо, деревни береговых сонаев и три поселения сунийцев, меняли часть рыбы, а также раковины с кораллами на недостающие кой и баки у обитателей внутренней части Бонхо. Сунийцы на морском берегу вдобавок ко всему ещё выпаривали соль. Живущие вверх по течению Боо обменивали кой, баки, свиней и товары с побережья на камень и изделия из него у сонаев. Кроме того, в горы шли глиняные горшки, а оттуда – уже упоминавшиеся металлические предметы.

На более-менее равноценный обмен накладывались даннические и родственные обязательства. Данники-сунийцы, относящиеся к ганеоям, обязаны были поставлять бонхо и сонаям, как уже говорилось, дареоям, свиней, нескольких видов фруктов и циновки (прибрежные сунийцы заменяли фрукты солью и лодками). В свою очередь, старосты бонхойских деревень из этой дани устраивали пиршества для своих односельчан, а часть её отправляли верховному вождю всей области – таки. Причём, с точки зрения всех, дань, отправляемая вождю, не была таковой, поскольку шла на обеспечение той части молодёжи деревни, которая отправлялась служить в личную дружину таки.

Это окружение правителя, именуемое регоями, кормилось из запасов таки, которые кроме дани от сунийцев пополнялись также продуктами из хозяйства самого вождя, где трудились его жёны и многочисленная родня: братья – родные, двоюродные, троюродные и т. д., дяди и племянники всех степеней родства и их семьи. В общем, ситуация мало чем отличалась от той, что была в нашей деревне, разве что свита старосты не полностью кормилась с его стола

да не имела права называться регоями, хотя в разговорах иногда это словечко проскальзывало и применительно к местным головорезам.

В отличие от таки, должность которых со времён завоевания бонхойцами своего куска Пеу переходит внутри одного родственного клана, регои не являются какой-то замкнутой кастой: любой из дареев может попасть в дружину, для этого нужно только пригласиться вождем. Впрочем, попадаются и практически наследственные регои, у которых ещё отец и дед служили семейству таки.

В обмен на кормёжку регои должны были защищать селения как бонхойцев, так и суне от набегов восточных соседей, а также обеспечивать регулярное поступление дани. Первое на практике означало, что в случае нападения рана или сувана на то или иное селение области таки со своей дружиной выступал по следам налётчиков: если дикарей удавалось настичь, то отбиралась добыча и всё имущество грабителей, самих их жестоко избивали, при сопротивлении могли и убить. Как правило, обе стороны старались избегать человеческих жертв, поскольку они означали необходимость кровной мести. Но в горячке погони и боя убитые бывали нередко, так что отношения между обитателями Бонхо и восточными соседями колебались где-то между холодной и горячей войной.

* * *

Шаман как раз перешёл от описания разветвлённой системы обмена от гор до побережья к взаимоотношениям с восточными соседями.

Как набеги рана и сувана, так и походы бонхойских регоев за добычей были бы чаще, чем один-два в год, если бы между берегами Боо и селениями восточных соседей не лежала полоса незаселённой земли, превышающая полтора-два дневных перехода. Что при отсутствии выючных животных делало подобные мероприятия если не бессмысленными, то малоперспективными: ну нападёшь ты на вражеское селение, ну останешься жив и без серьёзных ранений, а потом придётся тащить всё награбленное на своём горбу. Потому подобное состояние перманентной войны объяснить можно было только длинным счётом взаимных обид, которые тут помнили и пересказывали сыновьям и внукам из поколения в поколение. С учётом неизбежных искажений, добавлений выдумок вместо забытого и преувеличений, призванных привлечь внимание слушателей, и истории банального воровства или грабежа с мордобоем и членовредительством превращались в эпического размаха войны. Всё это приправлялось эпизодами гнусного «колдовства» и зверств противника.

Неудивительно, что рассказываемая нашим шаманом версия приобретала вид подобия «Властелина колец», точнее, «Сильмариллиона», поскольку Вокиру излагал публике не одно цельное повествование, а серию сюжетно не связанных саг о светлых эльфах-бонхойцах, бьющихся за правое дело (я решил для себя: бонхо – обозначение племени, а бонхойцы – все жители области, местные как-то обходятся без общего обозначения), и злобных орков – рана и сувана, творящих мерзкое колдовство и прочие нарушения «Женевских конвенций» (кстати, это совсем не шутка: оказывается, существовали местные правила ведения войны, включающие в том числе и запрет на зловерное колдовство в отношении противника, зато не запрещающие изнасилование женщин и подростков обоего пола).

Самое забавное, Бон-Хо, расположенное на западном берегу Боо, набегам рана и сувана не подвергалось, и о всех этих ужасиках и зверствах его обитатели узнавали через вторые и третьи руки – что способствовало ещё большему преувеличению и искажению.

Вокиру, несмотря на несколько противный голос (а пел он ужасно!), рассказчиком был отличным (а иначе стал бы старый хрыч шаманом). Так что я даже заслушался, забыв о цели своего прихода сюда. В общем-то напоминало исландские саги, где суровые викинги убивали друг друга всевозможными способами. Язык я уже освоил настолько, что все эти длинные

слова, обозначающие набедренные повязки, ожерелья из ракушек и перьев, боевые дубинки с вкладышами из костей, камня и раковин, курильницы магической травы и амулеты, способные вынуть душу врага на расстоянии, не являлись для меня простым набором звуков.

Наконец шаман замолчал. В наступившей тишине двадцать с лишним пар глаз уставились на меня. Доселе педагогического опыта у меня не было, не считать же таковым месяц школьной практики на пятом курсе, которую вспоминаю как какой-то кошмар. Ну надо же с чего-то начинать.

– Для начала накопаем глины, – начал я (надеюсь, в глазах молодых павианов я выгляжу не столь жалко, как в своих собственных). – Для лепки посуды или чего ещё годится не всякая глина. Но до ближайшего места, где можно взять нормальную глину, идти за деревню, к Холму, где Старый Уру сломал ногу, – ну и прибавил географические названия местных, – мы не пойдём. Здесь в десяти десятках шагов, как идти к дому старосты, есть яма, глина оттуда подойдёт, чтобы учиться лепить. Идите, и принесите по вот такому куску, – показал руками.

Конечно, можно было наковырять глины и вокруг Мужского дома, но нечего лишние колдобины устраивать на относительно благоустроенной территории. А небольшая прогулка под дождём молодым здоровым организмам не повредит – прогуляются, побесившись и позадирав друг друга по дороге, и спокойнее будут сидеть на моём «уроке».

В общем-то, прошло всё довольно сносно. Для первого раза. После получасового объяснения азов керамического производства я предложил подросткам вылепить что-нибудь на вольную тему. Результат был предсказуем: трое, видимо, самые голодные, взяли за чашки, ещё шестеро принялись вылепливать что-то абстрактное, один сотворил глиняный шар с несколькими сквозными дырками. Мой вопрос, что это такое, вызвал среди подростков взрыв веселья: «Гы-гы-гы!!! Дурень Сонаваралинга не знает, как делают „хлѣст-дубинку“. Гы-гы-гы!!!» Впрочем, я почти сразу вернул им их «гы» с троицей, так как оставшаяся половина «учащихся», не отличаясь фантазией, принялась ваять мужские достоинства. Выходило поразному: у кого с трудом узнаваемо, у кого вполне ничего – во всех анатомических подробностях, даже с двумя необходимыми дополнениями. Так что я, раздосадованный проколом с заготовкой для кистеня, неожиданно для себя выдал тираду насчёт попыток компенсировать малые размеры агрегатов преувеличенным их изображением и привёл в пример единственного из «павианов», который лепил голую женщину – с едва намеченным лицом и гипертрофированными бёдрами и грудями, этакую неолитическую Венеру: «Вот о чём надо думать, а вам будто своего мало».

Короче, успокаивать молодёжь пришлось, рвякая во всё горло и даже пустив в дело палку. Шаман, лежавший всё занятие на циновке у стены, прервал общение с духами и внёс в учебный процесс парочку дополнений своим чудодейственным посохом по спинам шибко весёлых. Заодно попенял мне насчёт чрезмерного либерализма и мягкотелости. Впрочем, веселились не все: часть «фалоформовщиков» сидела с потемневшими лицами (это у местных папуасов так прилив крови к лицу проявляется). Ну ладно, переживут.

На следующий день мне пришлось исполнять роль неквалифицированной рабсилы на починке растрёпанных ветром крыш односельчан: ночью был сильный ветер, повредивший немало хижин наверху холма и на обращённом к морю склоне. Работа не сказать, чтобы слишком тяжёлая – срезай ножом листья молодых пальм да таскай к ремонтируемым хижинам, где их пускают в дело более опытные товарищи. Я, замаявшись резать листья каменным ножом (хотя и довольно острым, спасибо деду Теманую), решил примазаться в качестве помощника к мастерам-кровельщикам. Немного поучился местному кровельному делу, не очень сложному. В Бон-Хо этим основательно занимается несколько человек только из-за того, что нужно не просто уложить длинные и широкие листья-«уваки», но сделать это безупречно, чтобы не протекало, да и эстетическая красота играет не последнюю роль. Так-то почти любой может себе дома поправить крышу, но когда дело доходит до коллективных работ, как сегодня, то первую

роль играют призванные мастера своего дела, которые к тому же знают особые заклинания, обеспечивающие высокое качество работы.

Управившись со всеми пострадавшими крышами, народ двинулся к площади у дома старосты, благо дождь сегодня прекратился. Подобного рода мероприятия – это не просто выпивка и еда (закуской её называть язык не поворачивается из-за крайней слабости местного спиртного – слабее пива), но ещё и общение. Я же теперь для жителей Бон-Хо не только представитель дружественного и могущественного племени, но и обладатель уважаемой профессии. Оказалось, Алка успела сделать рекламу новой влагостойкой посуде. И теперь желающие заполучить новинку спешили засвидетельствовать почтение и договориться, чтобы одна из следующих чашек (по слухам, не уступающих той заморской, которой гордится наш староста) досталась именно ему.

В числе желающих обзавестись модной новинкой был и владелец свиньи-рекордистки Боре, являвшийся среди довольно худых туземцев странным исключением. Такое впечатление, что свиньями он занимался, чувствуя некое родство с хавроньями: Боре больше походил на бегемота из «Ну, погоди!», нежели на хрюшку, но и те, и те – парнокопытные. Так что свиней он разводил, небось, из-за отсутствия более близких к ним существ. Жил бы в Африке – возился бы с гиппопотамами. И домой я двинулся в компании лучшего свиновода села, который уговаривал меня зайти и посмотреть на чудесных свиней, достойных самого таки. Согласился я только, чтобы поскорее от него отделаться. Запах что-то меня не воодушевлял. Ну, свиней.

Подходил же к своей хижине, уже почти выветрив остатки алкоголя.

А это что за... Алка, б... Неужели другого места не нашла наставить мне рога, кроме как у порога моего же жилища?!

Впрочем, в следующее мгновение я понял, что напрасно матерю свою подругу: исходя инициатива от неё или, по крайней мере, будь она не против, её не приходилось бы держать вчетвером.

Не знаю, вошла ли моя атака против четырёх противников в историю местного боевого искусства, но клич «Убунаху!», с которым я кинулся в бой, точно получил распространение.

Первый удар своего дырына я обрушил на плечо парня, пристраивающегося к Алке сзади. Тот, изменив намерения, скрючился на земле, жалобно заскулив. Остальные трое, бросив девчонку, повернули ко мне. Ага, оскорблённые мной «фалоформовщики». Один из троицы, примерно мой ровесник, однако был не из них. Ясно, обиженные чужаком ребяташки пожаловались старшему брату. Этого братца, как самого опасного из оставшихся противников, я и атаковал. Мой посох впечатался ему точно в лоб. Никакого результата. «Дубль два». То же. Он что, противоударный?! Я так не играю. В третий удар я вложил все свои силы. Моё оружие с треском переломилось о голову врага – всё-таки наскоро выломанная палка, предназначенная для защиты от обнаглевших свиней и для педагогических целей, не сравнится с местными боевыми дубинками из твёрдых пород дерева, которые выстрагивают неделями. Противнику моему хоть бы хны. С обрубок палки пячусь от начинающих охватывать меня с трёх сторон папуасов, выставивших ножи. А где мой? Привычное место – петля на левом боку повязки – пустое. Да, совсем хреново. И не убежишь – эти уроды теснят меня к стене хижины.

Алка сидит в ступоре за их спинами. Всё, конец моим планам о прогрессировании туземцев... Хотя... Не конец!!!

Чёрно-коричневый вихрь, снёсший всех троих моих врагов и наградивший их серией пинков, успокоившись, превратился в Боре. Слышал я что-то насчёт того, что бегемот – очень опасный зверь, несмотря на кажущуюся неуклюжесть.

– Ты нож мне давал на празднике, – сказал толстяк, – ребро от свиньи отрезать, да и забыл забрать. Нож хороший. Ну, я и решил, что надо вернуть.

– Спасибо, – ответил я, забирая подарок Темануя.

Из неудавшихся насильников возле моей хижины осталось только двое: с повреждённым плечом и самый старший, на которого всё-таки подействовала серия ударов в лоб. Этот теперь сидел и как-то удивлённо озирался вокруг. Остальные «павианы» успели ретироваться.

Мой спаситель осмотрел поверженных мной противников.

– Силён же ты бить, – с уважением произнёс он, констатируя перелом ключицы у первого. – С таким ударом таки в регои запросто возьмёт. Подучиться немного – и хорошим бойцом будешь... Эй, забирай своего приятеля, – обращаясь ко второму, продолжил Боре, – и проваливай быстрее. – Он потянул парня за висевший на шее амулет.

Верёвка лопнула, оставшись вместе с продолговатым камнем зелёного цвета в руках толстяка. А хозяин амулета брякнулся обратно на пятую точку, подняв облачко грязных брызг.

С двух несильных пинков фанатику-свиноводу всё же удалось поставить пациента на ноги, и тот, по-прежнему удивлённо озираясь, потащил своего покалеченного приятеля прочь. Боре свирепо смотрел им вслед, крутя трофей вокруг пальца.

– Что это за камень? – Вопрос вырвался у меня машинально.

– Сонавский, по-моему, – ответил мой спаситель. – Такие они иногда приносят на обмен.

– Он тебе нужен? – спросил я, озарённый неожиданной догадкой.

– А тебе зачем? – хмыкнул толстяк. – Понадобится такой, попроси своих родственников сверху, они тебе двадцать таких принесут.

– Да так, интересно, – произнёс я.

– Ладно, – протянул мне верёвку с камнем Боре.

– Спасибо, – поблагодарил я и добавил: – Когда там поросёнок подрастёт?

– Через луну можешь забирать.

Глава 4, *в которой герой под давлением общественного мнения принимается исправлять то, чего вовсе не совершал*

Бурные события вечера обернулись бессонной ночью. Причём обычные занятия оказавшихся наедине мужчины и женщины играли далеко не главную роль. То есть, конечно, без этого мы с Алкой не обошлись. Но в основном я почти до самого утра выяснял у моей подруги о возможных последствиях произошедшего боевого столкновения. Местные законы меня просто убили своей непонятной логикой: с одной стороны, изнасилование женщины-дареойки, да ещё своей односельчанки, по туземным понятиям – тяжкое преступление, с другой – я, не будучи мужем или родственником, не имел права вмешиваться, хотя, если бы эти молодые отморозки успели бы Алиу изнасиловать, то я мог бы их побить. За перебитую ключицу, слава богу, меня, скорее всего, не ожидало что-либо серьёзное; по крайней мере, родственники пострадавшего не должны отплатить тем же: самое большее, что могло грозить, – «выплата компенсации по временной нетрудоспособности» покалеченному. Если изувечивший не мог возместить ущерб, то поступал в полное распоряжение семьи покалеченного, пока тот не выздоровеет окончательно – в этом случае состояние своеобразного рабства могло длиться годами, особенно если заполучившее бесплатную рабсилу семейство имело наглость заявлять, что их родственник до сих пор не в состоянии нормально работать. Мне, впрочем, такого опасаться не стоило: во-первых, сопляк, ещё не вышедший из Мужского дома, не считался полноценным работником, а во-вторых, предъяви мне его семья серьёзные претензии, керамика, особенно модернизированная при моём участии, довольно дорогая вещь. А если мало будет, то Алкина родня поможет.

Гораздо опаснее во всей этой истории была возможность мести со стороны Длинного, как звали старшего приятеля «павианов», и его дружков. По мнению Алки, лучше бы я этого придурка вообще убил – тогда мне уж точно пришлось бы бежать к родственникам в Сонав, но так хоть было бы за что. А сейчас вроде бы я в отношении Длинного не совершил ничего такого, за что пришлось бы отвечать перед общиной или его родственниками, но, учитывая паскудный характер этого типа, можно ожидать неожиданной встречи с его шайкой в самый неподходящий момент...

Моё состояние на следующий день можно было охарактеризовать как сочетание напряжённого ожидания грядущих неприятностей и борьбы со сном. И не спрашивайте, как такое возможно. Возможно, да ещё как!

До вечера я проторчал в мастерских в компании Алки и Понапе. Больше за весь день никто не появился. Что уже казалось мне дурным знаком. Хотя и прежде бывало частенько, что на поляне находилась только наша троица. Особенно сейчас, когда путь от деревни до подножия холма, облюбованного ещё учителем хромоногого под гончарную мастерскую, приходилось проделывать под дождём и по колено в грязи. Но когда ждёшь подвоха, признаки чего-то нехорошего мерещатся во всём.

Понятно, что о предполагаемом кусочке медной руды, доставшимся мне в качестве трофея, я думал в последнюю очередь. Тем более Понапе говорил насчёт возможных проблем практически то же, что и моя подруга.

Домой я вернулся уже на закате. Хижина встретила пустотой и тишиной. Если днём сюда и заглядывали Длинный и его дружки с целью поквитаться или староста со своей свитой для проведения дознания по факту совершённых мной общественно опасных деяний, то никаких следов своего пребывания никто не оставил.

Алка велела мне сидеть и не отвешивать (в том числе и в буквальном смысле – то есть не разводить огонь), а сама рванула к себе домой.

Соскучиться от бездействия и накрутить себе нервы от переживаний за девушку и ожидания появления противника я не успел. Шлёпанье по мокрой земле плетёных тапочек – единственно известной местным обуви – и шумное пыхтение нескольких человек заставили немного насторожиться. Но бодрый голос моей подруги сразу успокоил. Толпа, которую она привела, оказалась её отцом, дядькой (кажется, по материнской линии) и пятеркой прочих родственников. Боевые дубинки в руках пришедших говорили о серьёзности ситуации: вряд ли семеро взрослых мужиков и крепких парней стали бы без оснований разгуливать по родной деревне с оружием.

Алка принялась было тараторить. Но её батя моментально оборвал эмоционально окрашенный и малоинформативный словесный поток.

Не знаю, как насчёт талантливости в каких-либо сферах в свете фразы «Краткость сестра таланта», но Ваторе находился с данной дамой в определённом родстве. За пять минут он довольно толково обрисовал ситуацию, в которой я оказался.

Дело повернулось весьма хреновато. Причём перебитая ключица обитателя Мужского дома, попавшего под дурное влияние Длинного и К°, вообще никаких проблем не создавала – отец подростка умер несколько лет назад, взрослых мужчин со стороны близкой родни его матери тоже не было, а бедная женщина готова удовлетвориться в качестве компенсации пятёркой горшков и чашек нового образца. И вообще, похоже, она была даже немного рада, что её дитя отделалось одним переломом – не такая уж большая расплата за дружбу с Длинным, а, глядишь, после такого и сам пострадавший предпочтёт держаться подальше от друга, втягивающего своих приятелей в неприятности.

Не грозила мне и месть со стороны Длинного. По причине того, что три моих удара в лоб напрочь отбили ему память, и теперь недавняя гроза всего Бон-Хо с его округой и головная боль нашего старосты находится в хижине шамана. Шайка же, лишённая предводителя, пребывает в полной дезорганизации.

И вот отсюда-то начинаются мои неприятности: и многочисленная родня заработавшего амнезию баклана, и вся деревня полагают меня после этого сильным и опасным колдуном. Но если большинству народа на это, в общем-то, пока пофиг, то семейство Длинного уже шумит по поводу негодая, который вынул душу из бедного мальчика.

Понял я также, что если раньше Ваторе и прочие Алкины родственники считали меня чудаковатым малым, пусть и овладевающим перспективной, по местным меркам, профессией, то теперь я вырос в их глазах: перебить с одного удара ключицу, причём не боевой дубинкой, а совершенно несерьёзной палкой, годной только свиней отгонять, – это надо уметь. А уж лишённый памяти Длинный – вообще... Короче, батя моей подруги отныне готов хоть завтра отдать мне свою дочь в жёны.

Если честно, не люблю дутую репутацию – очень уж неудобно выходит, когда потом оказывается, что ты не оправдываешь надежд окружающих. Но в сложившейся ситуации, чувствует моё сердце, бесполезно оправдываться и говорить, что покалечил пацана случайно и вряд ли сумею повторить подобное деяние. И тем более никого не убедишь в случайном и непреднамеренном характере случившейся с Длинным потери памяти.

В общем, ночь я провёл в доме Алкиной семьи. А наутро в сопровождении молодняка, вооружившегося дубинками, отправился по пострадавшим. Первым номером шёл самый простой случай. Мамаша и старшие сёстры подростка соглашались всего на пару горшков и пару мисок – разумеется, сделанных по новой технологии. Я, глядя на испуганно жмущихся друг к другу женщин, был настроен великодушно пообещать выплату требуемой компенсации. Но тут в разговор влез один из моих потенциальных родственников, толкнувший небольшую речь насчёт ответственности родителей за воспитание детей. В итоге бедные тётки согласились на всего один горшок. Сам же потерпевший всё время, пока шли переговоры с его родственниками, сидел, уткнувшись лицом в земляной пол, не рискуя встречаться со мной взглядом.

Увы, с семейством Длинного разговора как такового не получилось: те просто с безопасного расстояния орали насчёт сонайского колдуна, намеревающегося при преступном попустительстве старосты известить всю деревню. К этому времени меня, кроме четвёрки Алкиных кузенов, сопровождала толпа зевак, в которой я заметил и держащуюся вместе группку регоев нашего босса. К вящему удовольствию публики, жаждущей бесплатного представления, мы с пострадавшей стороной не подкачали и расстались на повышенных тонах.

В сопровождении разросшейся до сотни с лишним человек толпы я двинулся к обиталищу главного деревенского кудесника. Здесь мне тоже ничего хорошего не сказали. Я-то по наивности полагал, что Вокиру, как всякий нормальный служитель потусторонних сил, обыкновенный мошенник, пудрящий мозги наивным папуасам. Каково же было моё разочарование, когда я понял, что старый хрыч на самом деле верит в ту пургу, которую несёт окружающим. Хорошо ещё, он даже не въехал в моё отношение к мистике и колдовству – по причине невероятности для туземцев подобного взгляда на вопрос. Мою робкую попытку откреститься от авторства амнезии Длинного шаман пресёк, прочитав длинную и поучительную проповедь на тему нежелания современной молодёжи отвечать за свои поступки.

Единственное, что немного внушало надежду, – пациент, не помня ничего и не узнавая окружающих, тем не менее сохранил речь и немалую часть бытовых навыков. По крайней мере, кормить его с ложечки и менять пелёнки не приходилось. Так что не исключено, что со временем Длинный или вспомнит всё, или приобретёт новый багаж знаний и опыта, который позволит ему нормально жить, а не глядеть на окружающий мир как баран на новые ворота (хотя в данном контексте – новый баран на ворота). Но мне-то нужно как-то выпутываться из данной ситуации не в отдалённом будущем, а здесь и сейчас. Так что единственное моё спасение – немедленное и полное восстановление памяти этого гопника и баклана. И все возможные отговорки насчёт того, что процессы, протекающие в человеческом мозгу, современной наукой до конца не познаны и не объяснены и что поэтому удар по голове может привести к самым непредсказуемым последствиям, – всё это для местной публики – нелепые попытки колдуна перевести стрелки на неведомых духов.

В общем, домой к Алке я вернулся в состоянии, близком к панике. А после самоличного визита по мою душу старосты со всей его свитой, потребовавшего ликвидировать последствия колдунства и вернуть память непутёвому сыну уважаемого в селении человека, я пребывал уже не в близком, а в самой настоящей панике. Единственным выходом казалось бежать на фиг из этого дурдома к деду Теманую. Вопрос только в том, что в одиночку, не зная дороги, сделать это затруднительно. Папаше Ваторе я о своих мыслях ничего не говорил – нечего показывать перед потенциальными родственниками (надо же, на фоне нынешних неприятностей даже женитьба на Алке со всеми вытекающими из этого последствиями уже не кажется такой уж страшной) свою слабость. Но подруге моей идею насчёт бегства я в Сонав подробно изложил. На что она ответила, что проще переколдовать всё обратно – Длинный получил достаточный урок. И все её родственники считают точно так же. Понятно, помогать мне в бегстве в Сонав никто не собирается – все уверены в моей способности восстановить статус-кво. Да уж, лучше бы я убил этого придурка, тогда уж точно мне помогли бы бежать к сородичам в горы. И что же делать?

Ну что за люди! Тут думаешь, как половчее свалить отсюда, а Ваторе лезет с каким-то идиотским вопросом насчёт камешка-трофея. Да какая разница, с помощью чего я вынул душу из хулигана?! Ну ладно, в камушек я её засунул.

А это идея! Я аж вскочил от возбуждения.

Теперь осталось обдумать, как преподнести это заинтересованным сторонам.

Вежливо попросив вероятного тестя оставить меня одного, потому что нужно готовиться к возвращению души Длинного, я погрузился в составление речи, которую толкну перед местным руководством и роднёй баклана. Заняло это у меня пару часов.

К вечеру дождь, до этого чуть моросивший, опять перешёл в ливень. Не обращая внимания на буйство непогоды, героически выхожу на улицу и шлёпаю по лужам и грязи к шаману. Моя импровизированная охрана, поворчав немного, следует за мной.

Непогода разогнала возможных зевак, так что наша компания шествовала по деревне в гордом одиночестве. Даже вечно шатающиеся по улицам свиньи куда-то попрятались.

Вокиру был занят составлением каких-то снадобий. Ввалившаяся толпа его не очень обрадовала. Но выслушать меня главный по общению с невидимыми сущностями соблаговолил.

Выдвинутая мной концепция изымания человеческой души из организма путём помещения в камень-талисман и её обратного переноса посредством уничтожения данного талисмана по особой методике возражений со стороны профессионала не нашла. Точно так же убедительно я сумел объяснить и ту часть процесса, которая не имела отношения к магии.

И на следующий же день я приступил, с точки зрения туземного понимания мира, к обряду возвращения вынудой души обратно в тело Длинного. А с точки зрения привычного мне научного мировоззрения – к трудотерапии в сочетании с вдалбливанием пациенту информации о его прошлой жизни.

Первая часть заключалась в том, что пострадавший от моего колдовства должен был работать на мехах, подавая воздух в костёр, на котором в закрытом глиняном горшочке из числа новых образцов грелась смесь толчёного древесного угля и растёртого в порошок талисмана, он же медная руда.

Да, кстати, забыл сказать: претворившиеся со мной неприятности неожиданно оказали причудливое воздействие на мой мозг. Настолько причудливое, что я догадался, как соорудить меха без геморроя со сшиванием шкур, проклейкой швов и размачиванием веток. Надо было просто выкопать и утрамбовать две ямки, вывести из них тростинки-воздуховоды в печь или очаг, а сверху накрыть шкурами с дырками-клапанами, шкуры по краям прикопать глиной и хорошенько притопать ногами. Для обеспечения обратного хода мехов служили те же гибкие ветки (только менять их можно было без проблем). А парность ямок обеспечивала худо-бедно бесперебойную работу устройства.

Вот в качестве бесплатной рабочей силы для моего эксперимента я и решил использовать Длинного. Шаману, старосте и родственникам пациента я заявил, что вызволение души из каменного плена требует личного участия владельца этой самой души.

Так как надежды на одну трудотерапию было маловато, я решил задействовать родню и друзей случайно попавшей во «вроде бы малахит» души. Их задачей было как можно жалобнее и многословнее причитать над изображающим бег на месте Длинным, вспоминая его славные деяния, и как все по нему тоскуют и зовут обратно.

Я, конечно, ни фига не врач, тем более не психиатр или невропатолог, но вроде страдающие амнезией могут вспомнить своё прошлое, если им его начать напоминать. Ну а если память у Длинного не восстановится, её отчасти заменит та куча сведений, которую на моего пациента вывалят в процессе разрушения душевной (или духовной?) ловушки его родственники и приятели.

В общем, цирк вышел ещё тот.

Для пушего удобства я велел родне Длинного соорудить ещё один навес вдобавок к имеющемуся у нас с Понапе, под которым хранились инструменты, готовая к работе глина и необожжённая посуда. Под ним я и соорудил меха и очаг. Повозившись немного, я сумел развести огонь и велел пациенту начинать качать воздух. Полчаса ушло на освоение им нового навыка. А потом только оставалось подбрасывать в костёр дрова да изредка пронзительно дуть в свистелку, изображая магические действия.

Группа поддержки Длинного на все голоса запричитала, вызывая запертую в камне душу, и я решительно прервал эту какофонию, велел голосить по одному, передавая эстафету по

кругу. Ну вот, теперь другое дело: с толком, с расстановкой. Так пациент что-нибудь да и запомнит.

Мои потенциальные родственники, а также шаман и староста со свитой расположились поудобнее под навесом и с удовольствием наблюдали представление. А что, все три вещи, на которые можно смотреть до бесконечности, присутствуют: вода, текущая ручьями по земле, огонь в очаге и обильно потеющий на импровизированном тренажёре Длинный.

Увы, всё хорошее когда-нибудь кончается. Я ещё и проголодаться не успел, когда глиняный сосуд пошёл трещинами. Крепкий всё-таки парень Длинный, надо же так раздуть огонь – ни у меня, ни у Понапе, ни у юных наших оболтусов так не выходило. Или дело в непрерывной работе установки? Ладно, потом разберёмся.

Я велел пациенту остановить работу. Пришлось подождать ещё, пока прогорит огонь. Конечно, не терпелось быстрее узнать, что получилось, но я заставил себя проявить осторожность: не хватало угробить единственный опытный образец из-за излишней торопливости. Наконец я снял ещё горячий горшочек, используя в качестве прихватки кусок «тюленьей» шкуры. На земле сосуд окончательно развалился. Предо мной лежала небольшая кучка угольков и в ней – комок красноватого металла. Бесформенный, с вкраплениями угля и шлака, размером всего лишь с ноготь, но это был металл. Медь. В висках бешено стучали молоточки. И в этот момент мне было плевать на Длинного, его родню, обвинение в преступном колдовстве. Я получил металл!!!

Впрочем, я быстро вернулся с небес на землю. Публика с любопытством смотрела на меня. Представляю, какое сейчас у меня было лицо. Сгоняя с него остатки восторженности, я обнаружил, что родня пациента прекратила читать тому его биографию. Непорядок. Взгляд мой остановился на матери Длинного – худой и высокой по местным меркам тётке с лицом записной скандалистки.

– Душу твоего сына из камня высвободить удалось, – сказал я. – Теперь она ищет новое местелище. Чтобы она точно попала в него, а не в свинью или в «мёрзнувшую крысу», тебе нужно звать его душу. Давай, начинай.

– Это как? – не поняла мамаша.

– Как с утра. Только встань перед ним, чтобы он видел тебя. И говори, что ты его мать, что ты любишь его. Вспоминай больше о его жизни, – раздражённо объяснил я. – Когда устанешь, пусть твой муж начинает то же самое. А потом прочие родственники и друзья.

Мне же пришло время пообедать. Тем более Алка и её мать о еде позаботились. А поскольку подобного рода колдовское действие происходит не каждый день, обед у нас сегодня шикарный: свинина, рыба, приправленные специями, печёные клубни баки и даже брага. Что ж, я должен с ними согласиться: провернутое мероприятие заслуживало, чтобы оно завершилось праздничным застольем, точнее, «зациновковьем». Пускай совсем по другому поводу.

Наша компания – я, Алкины родственники, Понапе, примазавшийся к нам Тиворе – за обе щёки уплетали приготовленные женщинами вкусности, запивая брагой. Шамана и старосту со свитой тоже пригласили к столу. Вокиру принял приглашение с удовольствием, ел и пил за двоих. Деревенский начальник со своими приближёнными продемонстрировали меньший аппетит, хотя и их участие в уничтожении двух больших корзин с провизией я не назвал бы чисто символическим.

Ну а группа поддержки Длинного вынуждена была заниматься воспоминаниями и причитаниями натошак. Местные традиции гостеприимства и делёжки, конечно, Ваторе уважал, но не до такой же степени, чтобы угощать человека, едва не изнасиловавшего его дочь.

После успеха с медью и обеда настроение у меня было вполне благостное, так что я великодушно отпустил пациента и всю его родню, напоследок велел им и дома звать скитающуюся в поисках тела душу и продолжать пересказывать биографию Длинного её обладателю. Ну а если до завтра ничего не получится, пусть опять приходят сюда. Всё равно придётся медь ещё

раз переплавить, чтобы получить более чистый кусок, так что парню предстоит поработать ещё – не мне же или Понапе топтаться на мехах...

За вечер и ночь чуда не произошло, и на следующий день Длинный опять изображал ходьбу на месте под монологи своей родни, обращённые к его заблудшей душе. А я получил небольшую пластинку красноватого металла – теперь уже практически чистого, без всяких вкраплений. На этот раз управились совсем быстро: полчаса нагревания, немного рискованных операций с раскалённой до красного каления глиняной чашкой, чтобы слить скопившийся на дне медный расплав в оттиск ножа на сырой глине. Вышло несколько хуже задуманного – лезвие получилось кривоватое – не будь я сам его автором, ни за что не решил бы, что это уменьшенная копия ножа. Ну да ладно, первый блин всегда комом.

Повтор биографии Длинного и перечень его родственников и друзей – уже по второму или даже третьему кругу – мне начал надоедать. И я открыл было рот, чтобы скомандовать отправление их домой, но тут пациент вдруг неувовимо изменился в лице: если прежде он тарашился на окружающих, старательно слушая монологи родни, то теперь он глядел ещё более бестолково. Я успел перепугаться, что у него произошло разрушение не только памяти, но и вообще способности мыслить и понимать – уж очень бессмысленным был его вид. Но первые же слова, слетевшие с губ Длинного, показали, что он в здравом уме и рассудке, просто не помнит события последних двух суток. Память к пациенту вернулась на тот момент, когда он получил серию ударов палкой по лбу. Потому Длинный вполне естественно недоумевал, почему сейчас день, а не вечер, и почему вокруг всё его семейство, и где трое подростков, которых он надоемил проучить сонавского наглеца.

Уяснив диспозицию, я заявил мамаше Длинного, что душа его нашими коллективными усилиями вернулась в тело их любимого сына, брата и прочее. А то, что он не помнит промежуток времени, когда душа блуждала по неведомым мирам, вполне понятно, раз она была неизвестно где. Посему – все свободны. Могут идти по домам и радоваться за получившего обратно душу родича. А я буду отныне следить, чтобы душа пациента ненароком вновь не покинула тело – для этого у меня и амулет уже готов – продемонстрировал я медяшку. На сём и расстались. Надеюсь, намёк насчёт моей способности в любой момент провести с Длинным повторную процедуру вынимания души из тела они поняли.

Глава 5, ***в которой герой хочет дать жителям деревни один*** ***из атрибутов цивилизации, а в результате ещё*** ***сильнее укрепляет свою репутацию опасного колдуна***

Пару дней я просто отдыхал, отходя от пережитых неприятностей. Ну, то есть как «отдыхал»: за это время пришлось поработать на полях, укрепляя дамбочки под напором прибывающей воды, убирать урожай баки, да и в мастерской тоже надо было появляться. Зато совершенно не думал о меди, мехах и прочем.

Насчёт выплавки металла, если честно, я просто не знал, как сделать шаг от небольшой пластинки меди к полноценной металлургии, дающей десятки, сотни топоров, ножей, мотыг и прочего. За сырьём нужно отправляться в Сонав, расспрашивать местных о залежах голубовато-зелёного камня, потом копать его, жечь уголь. В одиночку туда не пойдёшь, значит, требуется подбить на путешествие в горы кого-то из жителей Бон-Хо. И неизвестно, каковы на самом деле запасы медной руды – может, там наличествуют только отдельные камешки, вроде того, который я уже переплавил. Как я буду выглядеть в глазах окружающих, если наобещаю металлические орудия, а в итоге получится пшик в виде нескольких побрякушек.

Поэтому решаю пока не поднимать шума по поводу своего открытия. Единственный, кому я рассказал о материале нового амулета и его связи с заморскими диковинами, был Понапе.

Хромоногий оценил открывающиеся перспективы, но, увы, не мог ничего сказать о возможных запасах медной руды: с сонаями он общался мало, посуда из его рук за пределы нашей деревни, как правило, шла через старосту. Единственное, в чём мой учитель смог помочь, – это устроить выжигание новой порции древесного угля.

Тогда я обратился с расспросами к Боре. Лучший деревенский свиновод принял меня радушно, угостил лепёшками из пальмовой муки. Стараясь не обращать внимания на специфический запах, стоящий вокруг, я принял угощение и полюбопытствовал насчёт сонайского камня. Боре ответил, что сонאי частенько носят такого цвета каменные амулеты, а некоторые жители низин меняют на них раковины и рыбу.

Больше ничего интересного по этому поводу он не сказал. Поболтали ещё немного о том, о сём – выяснилось, что в молодости Боре несколько лет прослужил в региях у местного таки.

– Я тогда не таким толстым был, – усмехнулся он, – так что рана и сувана гонять мог.

В изложении толстяка бесконечная война бонхойцев с восточными соседями выглядела тем, чем и являлась на самом деле: серией мелких набегов и стычек с редкими убитыми с обеих сторон, без всякой эпичности и демонизации врага. Колдовство, правда, рассказчик упоминал, но это вещь житейская, встречающаяся и в повседневной жизни. В общем, будь у Боре кожа посветлее да вместо набедренной повязки ватник и ушанка, ничем не отличался бы от тех «справных хозяев», которых доводилось видеть во время пребывания у бабки в деревне на каникулах. Там даже попадались такие же бегемотообразные индивиды.

Подтвердив ещё раз намерение совершить обмен посуды на поросёнка, я отправился к старосте. Здесь провёл времени совсем немного: перекусил в компании хозяина и нескольких наиболее доверенных из прихлебателей и выяснил, когда в очередной раз в наших краях появятся мои сородичи-сонאי. Оказалось, могут прийти, когда дожди прекратятся. А по срокам дождливый сезон должен закончиться через пару-тройку недель. Правда, тут же босс добавил, что иногда из Сонава никто вообще не приходит. Но вроде бы в этот сухой сезон они обещали быть. Оставалось только ждать.

В сезон дождей работа на полях почти затихла. В гончарной мастерской, пока с неба льёт не переставая, делать тоже особо нечего. Поэтому у меня было достаточно времени, чтобы основательно обдумать проблему антисанитарии. Из разговоров с Алкой и осмотра источников, используемых жителями Бон-Хо, впечатление сложилось удручающее. Более-менее чистую воду пили только обитатели домов, стоящих на холмах – там они брали её из нескольких ключей, собиравшихся в ручеёк, протекающий по деревне и впадающий в Боо. Жители нижней части Бон-Хо, а это три четверти населения, воду для питья и приготовления пищи черпали из этого ручья, а также из нескольких родников в самой деревне, а зачастую просто из реки. Учитывая, что народ в стоящих вверх по течению поселениях использовал главную водную артерию области в качестве сточной канавы – точно так же, как и мои односельчане, – качество речной воды было понятно каким. Да и ключи с ручьями в самой деревне, из которых пьют свиньи и в которых моются люди, тоже были сомнительной чистоты. Неудивительно, что каждый год желудочно-кишечные инфекции выкашивали немало народа.

Идея моя была проста: бьющие на холмах родники заключить в каменные или кирпичные рубашки, сверху тоже закрыть кирпичом или каменными плитами, провести несколько линий керамических труб, в которые и пустить воду. Заодно решится проблема заболоченности вокруг мест выхода ключей.

Подобное мероприятие требовало мобилизации всей деревни: во-первых – на земляные работы, во-вторых – для сбора подходящих камней, добычи глины и её обжига на кирпичи, керамическую плитку и трубы, в-третьих – для заготовки дров, в-четвёртых – для монтажа трубопроводов и облицовки родников.

Большую часть из этого проще будет вести после окончания дождей, но кое-что можно начинать уже сейчас. Ну и обсудить с народом плачевное санитарное состояние водоснабжения и составить план работ тоже не мешает загодя.

Сначала я решил поговорить с Ваторе. Выкладок насчёт санитарии и бактерий мой вероятный тесть не понял, зато мысль приблизить источник воды к самому дому ему пришлась по душе: таскать воду на кухню, конечно, занятие бабское и детское, но и мужику нужно сполоснуться вечерком. И само собой, лучше это делать возле своей хижины, а не плестись полсотни метров к ближайшему ручью.

Что до женской части Алкиного семейства, здесь я нашёл полную поддержку. По дождливому времени года прекрасная половина папуасского общества занималась в основном всякими домашними делами под крышей, при этом хозяйки объединялись в некие дамские клубы, участницы которых помогали друг другу, по очереди переходя из хижины в хижину. Потому ничего удивительного, что уже к концу следующего дня весь Бон-Хо знал, что новоявленный колдун Сонаваралинга призывает народ «удлинять ручьи» – да-да, именно такая формулировка приклеилась к моей программе строительства водопровода.

За несколько следующих дней я сто раз пожалел о своём намерении облагодетельствовать односельчан, потому что каждый встречный считал святой обязанностью завести разговор о пресловутом «удлинении ручьёв». Ну почему здесь нет телевидения и детективов!!! Сидели бы себе по своим травяно-лубяным избушкам, смотрели местное «Поле чудес» и латиноамериканские сериалы. Но за отсутствием доступных цивилизованному человечеству развлечений папуасы доставали меня расспросами или критикой по поводу «удлинения ручьёв». Слава Тобу-Нохоре, Повелителю Бурь и Дождей и моему божественному покровителю (опа, я уже начинаю использовать туземные обороты, причём «про себя», а не только вслух), спустя неделю количество желающих высказать своё мнение насчёт моей идеи снизилось до вполне приемлемых одного-двух в день. Причём теперь разговоры заводили не просто желающие убить время или показать свой ум, а по большей части люди, готовые хоть сейчас участвовать в строительстве. К сожалению, таковых набралось менее десятка на весь Бон-Хо.

Впрочем, зависеть судьба строительства будет от решения деревенского схода. За эти дни я успел понять механизм принятия решений туземцами. Если кто-либо вдруг вздумал предложить что-нибудь, касающееся всех и требующее участия всей деревни, то в первую очередь народ обращает внимание на личность автора идеи: слишком молодых или заслуживших репутацию пустобрёха, лентяя или неумёхи слушать будут только ради смеха. Затем, если набирается достаточно достойных людей, проникшихся предложенным, устраивается общедеревенский сход, на котором и принимают решение. Хотя староста или шаман имеют право созвать народ и минуя стадию обсуждения «в кулуарах».

Ну и в исключительных случаях, когда дело касается тяжкого, по местным меркам, преступления, пострадавшая сторона также может инициировать собрание всех жителей – другое дело, что не всякого люди послушаются и придут. В уголовных и гражданских тяжбах тоже смотрят на стороны. К примеру, у родственников покалеченного мной охламона не было практически никаких шансов собрать сход, чтобы обвинить меня. А вот семейство Длинного, пользуясь авторитетом папаши, вполне могло – другой вопрос, *что* собрание решило бы. Ибо этот каменновековой гопник уже достал.

Хотя для вдов, сирот и прочих убогих, не имеющих авторитетных родственников, всё не так уж и плохо. Зачастую находятся влиятельные соседи, готовые заступиться за тех, кто не может сам постоять за себя, – и не только из альтруизма, а ради поднятия авторитета или желая подгадить родне преступника из разных соображений (может, женщину с его отцом, братом или самим негодяем не поделил, может, ещё что). Да и староста для поддержания репутации справедливого начальника и чтобы не опередили иные кандидаты на всенародные любовь и уважение, вынужден вмешиваться и наказывать обидчиков слабых и беззащитных. Ну, это, конечно, в идеале, в реальности же имеющий влиятельных родственников или друзей отморозок мог долго творить что угодно, отделяясь чисто символическими наказаниями.

На месте того же Длинного девять из десяти его сверстников уже давно кормили бы рыб на местном кладбище, представляющем собой несколько длинных мостков, полуутопленных в речную воду: покойников с необходимым в конце пути по Тропе духов скарбом оставляли в воде, привязывая покрепче. Когда оставался голый скелет, кости ломали, укладывали покомпактнее и получившееся крошево хоронили в родовых погребениях, где-нибудь возле хижин.

Перерывы между дождями становились всё длиннее, правда, дней полностью без осадков ещё не было, но всё предвещало скорое наступление сухого сезона. Я торчал в гончарной мастерской с утра до ночи, обсуждая с Понапе технологию изготовления труб и плитки и проводя практические испытания: даже если большинство жителей Бон-Хо предпочтёт пить из грязных ручьёв, я всё равно настроен провести водопровод хотя бы в свою часть деревни, благо нужно проложить всего метров двести труб. Наконец староста объявил день «Эс», то есть собрания, посвящённого моему проекту. Его свитские прошли по селению, крича, что завтра после полудня всех ждут на площади возле дома босса для обсуждения «удлинения ручьёв».

Весь остаток дня я провёл в составлении речи, тщательно подбирая цветастые обороты, без которых у местных не обходится ни одно публичное выступление, заучивая вычурные предложения, даже интонацию подбирал. Ночью спалось довольно тревожно, как в студенчестве перед экзаменами.

А наавтра... С утра ко мне в хижину заявила толпа, так сказать, сторонников во главе с Ваторе и Боре. Я предпочёл бы ещё хотя бы часок порепетировать в уме речь, но вместо этого пришлось выслушивать заявления, как Сонаваралинга сейчас всех убедит-околдует и будет населению Бон-Хо всеобщее счастье в виде водопровода.

Притащенная женщинами еда в горло почти не лезла.

До обеда продолжался банкет, совмещённый с собранием Движения за водопровод и канализацию, как я мысленно окрестил тех, кто поддерживал мою идею. А потом мы двину-

лись к площади возле резиденции старосты. По пути в хвост к нашей группе пристраивался народ. Так что к центру деревни меня уже сопровождала внушительных размеров толпа.

Собравшихся к этому времени на площади было ещё больше. Но только взобравшись на деревянный помост, я сумел оценить масштаб сегодняшнего мероприятия: надо же, сколько в Бон-Хо живёт людей – навскидку тысячи полторы, если не две. Я и раньше, конечно, знал, что в деревне больше сотни хижин, в каждой из которых обитает в среднем не менее десятка туземцев, но всё равно толпа впечатлила.

Сегодня здесь, считай, всё взрослое население Бон-Хо и немало подростков и ребятишек. А что, не каждый день ужасный колдун Сонаваралинга митинг устраивает.

Преодолевая робость перед большой аудиторией, начинаю говорить. Увы, уже в середине выступления был виден полный провал: публика откровенно скучала, не проявляя никакого интереса к идее обустройства водопровода в отдельно взятой деревне. Заканчивать речь пришлось под монотонный гул, стоящий в толпе: кто обсуждал свои домашние проблемы, кто травил соседям байки, молодняк затевал весёлую беготню.

Наконец я обессиленно замолчал, ожидая реакции собравшихся. Староста и шаман молчали, давая возможность высказаться народу. Ага, первый желающий. Точнее, не желающий строить водопровод. Следом за ним другие обитатели Бон-Хо забирались на помост рядом со мной и высказывались – кто в поддержку, кто против этой затеи. Но преобладали противники строительства.

С каждым новым выступающим крушение моей инициативы приобретало всё более осязаемые очертания. Не выдержав, я взял повторное слово. Поскольку апелляция к лени не задела сердца «детей» каменного века, я решил сделать упор на вреде для здоровья грязной воды из ручьёв и реки. От волнения я то и дело переходил с туземного на русский, спохватившись, вновь начинал говорить на местном, вставляя в него термины, отсутствующие в языке обитателей Пеу.

Публика оживилась. Правда, оживление это было не очень хорошее: как-то недобро заблестели у многих глаза, и слишком заметным было шевеление рук, тянущихся к дубинкам и ножам. От подобной реакции аудитории на мою попытку санитарно-гигиенического просвещения я в растерянности замолчал.

Произошедшее дальше в полной мере я сумел осознать только спустя несколько дней. Сперва толпа взорвалась возмущёнными криками. Но никто не рисковал первым броситься на колдуна, выкрикивающего страшные заклинания, вызывающие мелких, но, несомненно, страшных духов-микробов, которые должны поразить поносом и болями в животе жителей селения, не желающих выполнять его прихоть и строить какую-то никому не нужную ерунду. Но это я потом, после разговоров со старостой, шаманом и своими друзьями, понял. Сейчас же стою и не могу сообразить, почему реакция публики вдруг резко изменилась от равнодушия до открытой враждебности.

Наконец самый не то храбрый, не то глупый, не то просто нетерпеливый рванул из толпы в мою сторону.

Единственное, что спасло меня в тот день, что я не успел хоть как-то отреагировать на несущегося папуаса с занесённой для удара палицей. Из ступора выхожу, только когда жаждущий размазать мои мозги по своей боевой дубине бонкиец, вскочив в один прыжок на помост, зацепился чем-то из своих ожерелий или амулетов за торчащий из бревна сучок и, растянувшись во весь рост, припечатался лбом о настил, а оружие, вырвавшись из правой руки моего несостоявшегося убийцы, крутанувшись в воздухе, брякнулось буквально в паре сантиметров от моих босых ног. Я стоял, ожидая, что сейчас этот психопат встанет и кинется на меня, dokonчив свой замысел. Но он лежал без движения.

Появление на помосте рядом со мной Боре, Ваторе и Алкиных братьев и прочих её кузенов, выставивших боевые дубинки и ножи в сторону волнующейся толпы, я как-то пропустил.

А вот как на свободное место по левому краю запрыгнул Длинный и точно так же выставил неслабых размеров нож, угрожая стоящим внизу, увидел. Уже потом я выяснил, что мой недавний пациент решил принять сторону могущественного колдуна, опасаясь, как бы тот (то есть я), чуя свою гибель от взбесившейся толпы, не начал напоследок чародействовать, мстя своим убийцам, и заодно вновь не вынул его многострадальную душу из тела. Такие вот выверты первобытного сознания.

Именно главный деревенский хулиган перевернул не подающего признаков жизни парня, бросившегося на меня. Теперь понятно, почему он не завершил задуманное: на месте его правого глаза было кровавое месиво, а торчащий из бревна помоста сучок покрыт чем-то бурым. Вот такая нелепая смерть...

В общем, впоследствии анализируя тот заполошный день, я склоняюсь к тому, что именно вмешательство Длинного, человека не то чтобы стороннего, но даже пострадавшего от моего колдовства, предотвратило расправу надо мной. Люди часто останавливаются перед непонятным и странным, а поступок записного деревенского хулигана, вставшего плечом к плечу с моими сторонниками на защиту Ралинги-сона, был именно таковым.

Наша небольшая компания ушла с площади, пройдя сквозь толпу, которая мрачно расступалась, давая дорогу. Такой и была последняя яркая картинка этого дня: недобро молчащий коридор из человеческих тел, ощущение полной беспомощности и желание оказаться где-нибудь подальше – лучше всего в своей родной квартире с очередным фантастическим романом в руке.

Мои друзья предполагали, что я отправлюсь ночевать к семейству Ваторе, но мне до жути хотелось побыть одному. И потому заявил, что проведу сегодняшнюю ночь в своей хижине. Возможная опасность со стороны желающих избавить деревню от колдуна меня совершенно не пугала – если честно, мне было просто всё равно.

Дома было пусто и неуютно. Алка отправилась с остальными к родителям. Аппетита не было никакого, но всё же я решил заставить себя съесть что-нибудь. В корзинке должны оставаться пальмовые лепёшки. Ага, должны, но не обязаны. От лепёшек только крошки. А вместо них наличествовал зверёк с серебристым мехом. На местном его название означало «крыса, всё время дрожащая от холода». Звался он так длинно, потому как имелись ещё крысы, похожие на привычных мне серых, только шерсть у них была рыжеватой. Кроме свиней, завезённых на Пеу одной из волн переселенцев, эти два вида грызунов были единственными известными мне наземными млекопитающими на острове. Наравне с хрюшками данная мелочь считалась местными обитателями вполне естественным источником мяса – наверное, именно вследствие этого рыжие крысы, несмотря на отсутствие кошек, не были чересчур многочисленными: попробуй тут расплодиться, когда любая туземная дамочка не визжит в истерике при твоём виде, а, наоборот, плотоядно улыбается, глядя на бегающий кусок мяса, и тянется к палке или камню, чтобы обеспечить семью на ужин деликатесом. Что касается их мёрзнувших собратьев, то те предпочитали держаться от людей подальше, проводя время на деревьях. Негодjay, лишивший меня ужина и обосновавшийся в корзинке, скорее исключение.

При ближайшем рассмотрении оказалось, однако, что это – негоджайка. Причём с потомством. Точное количество детёнышей подсчитать в полусумраке хижины я не мог – при попытке подойти близко мамаша начинала агрессивно шипеть. Стоило же мне отступить на пару шагов, она успокаивалась.

Так мы устроились: я на циновках в спальном углу своего обиталища, роженица в корзинке в «кухонной» зоне.

На следующий день все посещавшие моё скромное обиталище могли наблюдать, как я сижу перед «мёрзнувшей крысой» и пытаюсь кормить её кусочками фруктов. При этом от гостей отмахиваюсь, как от назойливых насекомых, и стараюсь избавиться от них поскорее. Учитывая, что визитёров было немало – от моих друзей или сторонников водопровода до недобро-

желателей и приближённых старосты, посланных им поглядеть, чего там творит Ралинга-сонай – неудивительно, что к вечеру известие, что колдун, угробивший Ики Полукровку (так, оказывается, звали того несчастного, который умудрился отправить сам себя по Тропе духов), чего-то творит с «мёрзнушей крысой».

Не знаю, что народ по поводу этого напридумывал, но под вечер появился шаман собственной персоной и завёл разговор на профессиональные темы. Причём мои объяснения насчёт интереса к животным он не то игнорировал, не то сделал из них какие-то далеко идущие выводы. В общем, решив, что я твёрдо не намерен делиться секретами мастерства по части околдовывания зверья, Вокиру сменил тему, перейдя к событиям вчерашнего дня.

Как это ни удивительно, дела обстояли для меня и моих планов вовсе не безнадежно. Во-первых, никто не собирался предъявлять мне обвинение за гибель Ики. Кличка у того была сугубо обоснованной: мать его была из суне, а отец – бонхо. Родитель Полукровки был не из последних в Бон-Хо, но как-то получилось, что ни одна из трёх его бонхойских жён (я не понял, правда, одновременно они были или по очереди) не дала мужского потомства. А вот сунийка, с которой у отца Ики был роман чёрт знает когда, родила сына, выросшего в ловкого и храброго парня. Потому при отсутствии других отпрысков мужского рода папаша и признал Ики со всеми вытекающими последствиями вплоть до принятия в род и причисления к полноправным дареоям. Правда, никаких прошлых заслуг отца и всего его авторитета не хватало, чтобы сородичи признали сына-полукровку полностью равным в своём кругу: несмотря на всю его храбрость и ловкость в бою, староста не стал брать Ики в свою свиту, никто не желал отдать замуж за полусунийца своих дочерей и так далее. Неудивительно, что бедняга старался при первой возможности показывать себя. Вот и допоказывался.

Нет, местное мироустройство далеко от справедливости: за Длинного, получившего по заслугам, меня могли и прибить, а за Ики, который никому ничего плохого не сделал и оставался добряком, несмотря на неприязнь окружающих, я отделяюсь лишь угрызениями совести.

Вторая же новость меня просто огорошила: мои односельчане, глядя на печальную судьбу Ики, помня об истории с Длинным и опасаясь неприятностей в виде страшных духов «мика-рубубу» и «дизенетери», которыми я их пугал в своей финальной речи, решили всё-таки строить водопровод, тем более вода прямо у порога дома – это неплохо.

Шаман особо подчеркнул свою заслугу в окончательном принятии решения – дескать, он отказался защищать жителей деревни от «микарубубу» и «дизенетери» якобы из профессиональной солидарности.

Я, конечно, был польщён зачислением меня в ряды местного трудового шаманства, но подозреваю, Вокиру просто решил не связываться с неизвестными ему магическими факторами. Даром, что ли, он тут же завёл разговор на тему, что не прочь узнать о страшных духах, которые насылают кровавый понос, – как их можно использовать и как с ними бороться.

Ладно, как с ними бороться, старый хрыч узнает. А насчёт использования – увольте. Нечего давать в руки папуасам бактериологическое оружие. Тем более я и сам не знаю, как его сделать.

Глава 6, ***в которой герой много общается со своими сонайскими родственниками и совершает эпохальный прорыв***

Не успел я толком завершить все свои дела и собраться в дорогу, как появились сонаи. Деда Темануя с ними на этот раз не было, возглавлял моих сородичей Вараку, не то троюродный брат, не то внучатый племянник старика.

Как-то неудобно получается – вроде бы сам старосте нашему говорил, что хочу в горы пойти, но и исчезать в разгар работы над своим собственным проектом тоже нехорошо. Ну да ладно, не на год же я покидаю Бон-Хо. А водопровод достроят и без меня – первую его нитку уже протянули с холмов до площади и резиденции нашего старосты, и теперь добровольцы трудились над второй очередью.

Поэтому я в темпе собрал инструменты, которые могут пригодиться для экспериментов с медью, в то время как Алка готовила припасы в дорогу. В заботах едва не забыл дать подруге инструкции по поводу крысиного семейства, обосновавшегося в моей хижине. Её гастрономические поползновения пресёк на корню, заявив, что «мёрзнущая крыса» с выводком нужна мне для научной деятельности, то есть колдовства, конечно. Аргумент столь высокого порядка подействовал, и Алиу обещала следить за семейством грызунов и подкармливать их.

Кстати, при внимательном рассмотрении «мёрзнущая крыса» на крысу походила мало и была куда симпатичнее – и мордочка не крысиная, и хвост не противно-лысый, как у пасюков и местных рыжих, а покрытый мехом, пусть и редким.

В путь двинулись по утреннему времени, пока не распалилась жара. Несмотря на столь ранний час, к Мужскому дому, где собирались в дорогу сонаи, вместе со мной пришла целая компания провожающих: не каждый день односельчанин отправляется в соседнее племя. Попрошавшись с публикой, я в компании своих псевдосородичей бодро помаршировал к северной околице Бон-Хо.

По моим прикидкам отмотали километров пятнадцать по довольно утоптанной тропе, тянущейся то по джунглям, то по полям. Деревень я насчитал по дороге шесть штук, из них две, по словам Вараку, бонхойские, остальные – сунийские.

До «столицы» страны Бонхо, поселения Хау-По, добрались во второй половине дня. Что дорога сильно вымотала меня, не сказал бы. Возможно, два года назад, когда я только попал в этот мир, к концу пути мои ноги гудели бы, но после ежедневной работы на полях и в гончарной мастерской это была просто приятная прогулка, даже несмотря на то, что спину оттягивал внушительных размеров плетёный короб с продуктами, инструментами и подарками для сонайских сородичей. Здесь приложили руку практически все мои друзья – от потенциального тестя до Понапе. Я в подборе сувениров практически не участвовал, да и вообще, честно говоря, как-то упустил необходимость при приходе в гости вручать хозяевам безделушки. Я и в прошлой своей жизни не придавал этому особого значения. Но если в России на такие вещи многие внимания не обращают, то среди папуасов человек, пренебрегающий подобного рода приличиями, быстро терял авторитет и уважение окружающих. Так что спасибо моим друзьям.

«Столица» как-то не впечатлила – просто увеличенная раза в полтора или два копия Бон-Хо. Единственное отличие от ставшей для меня родной деревни – это то, что Хау-По делилось на два конца – бонхойский и сунийский. Кстати, при таком наглядном сопоставлении хижины обоих племён немного отличались, что не очень бросалось в глаза, когда мы проходили мимо отдельно стоящих деревень: бонхойцы в среднем жили несколько зажиточнее, чем суне.

Переночевали в Мужском доме бонхойской части деревни. На гостей заявилось посмотреть немало местных. Тут обнаружилась моя известность в округе. И если успехи вашего

покорного слуги на ниве керамического производства мало кого интересовали за пределами Бон-Хо (а по большому счёту, за пределами нашей гончарной мастерской), то весть о появлении нового колдовского таланта, способного по своему желанию отнимать и возвращать душу владельцу, а также одним движением брови убивать не проявившего должного почтения человека, уже успела разнестись по всему Бонхо. Водопровод же вообще делал меня звездой сезона.

Так что до глубокой ночи пришлось сидеть и отвечать на самые разные вопросы: от тонкостей убийства человек с помощью магических практик до борьбы с духами «микарубу» и «дизенетери». Слава богу, народ наконец разобрался, что Сонаваралинга не собирается натравливать этих злокозненных духов на кого бы то ни было, а, наоборот, хочет защитить людей от них.

И если на вопросы по поводу смертельного колдовства я предпочитал таинственно и глубокомысленно молчать, то о гигиене и санитарии прочитал целую лекцию. Надеюсь, Мечников, Сеченов и Пастер не будут на меня в обиде, что превратились в моём изложении в великих шаманов, победивших злобных духов кровавого поноса. Равно как и на превращение микроорганизмов в нематериальные субстанции: ну что поделаешь, если местные жители во всём предпочитают видеть деятельность духов и прочей несуществующей нечисти. В конце концов, если те, кто слушали сегодня мои речи, станут пить воду из чистых источников, а если такой нет, то кипятить имеющуюся, мыть руки перед едой и прочее, то по-любому среди них смертность от желудочно-кишечных инфекций резко снизится.

Неудивительно, что утром проспал до начала дневной жары. То есть проспал в основном ваш покорный слуга, мои спутники пробудились раньше, но никто не счёл нужным растолкать меня, чтобы выйти в дорогу по прохладе, – не то побоялись будить страшного колдуна, не то просто в силу присущих туземцам особенностей восприятия окружающего мира, своего места в нём и проистекающего из этого отношения к деятельности. Чаще всего я именовал данную часть местной философии бытия коротко – раздолбайство. Хотя на самом деле всё было сложнее.

Идти по жаре никому не улыбалось. Так что ещё на день задержались в сём административном центре. Учитывая отсутствие магазинов и даже базаров, а также кинотеатров, библиотек и прочих благ цивилизации, я потратил время на знакомство с местной гончарной промышленностью, представленной мастерскими, в которых работало от трёх до десяти человек, и обсудил с энтузиастами возможные варианты подвода чистой воды в селение. В конечном счёте не самая бездарная трата времени...

Вечером же нас удостоил визитом сам Главный Босс всего Бонхо со своей свитой. Таки Ратикуи, он же Ратикуитаки, оказался не старым ещё мужчиной, довольно крупным для туземца, даже чуть выше меня. Он вошёл в Мужской дом с важным видом, гордо расправив плечи и выставив вперёд живот, который можно было бы обозначить как пивной, если бы туземцы знали пиво.

Разумеется, правитель заявился, чтобы посмотреть на молодого, но перспективного колдуна. Причём двигало таки не только и не столько любопытство, сколько намерение выяснить, нельзя ли меня использовать на благо Бонхо и против его врагов.

Поскольку Главному Боссу не с руки самому разговаривать со всякими встречными-поперечными, общался со мной он через своих регоев. Интересовали же таки, как и всякого правильного папуасского «пацана», в первую очередь мои способности в части боевого колдовства. О каких-то там глиняных чашках или водопроводе речи и не шло.

Не скажу, что беседа со столь высоким начальством, да ещё на тему колдовства, была мне очень интересна: с трудом выдавливаю из себя серию стандартных фраз об обращении к духам за помощью, расплате за такую помощь и том, что это дело опасное, а потому заниматься магией можно, только когда другими способами проблему не решить.

Не знаю, какого мнения остался главный местный начальник по поводу Сонаваралинги, да меня это не сильно и волновало – куда сильнее я был озабочен, чтобы завтра вновь не проспать до обеда.

На следующее утро подрываюсь ещё в сумерках, перебудив всю честную компанию. В течение следующего часа, пока мои спутники собирались, я успел, к своему удивлению, выяснить, что они искренне полагали моё вчерашнее позднее пробуждение проявлением нормального человеческого поведения, а сегодняшний подъём ни свет ни заря всех крайне озадачил. В общем, я, кажется, заработаю на Пеу репутацию чокнутого трудоголика. Притом что в прошлой своей жизни никогда не слыл образцом организованности и трудолюбия.

Ну ладно, собрались, попрощались с местными и пошли дальше. До Сонава ещё идти и идти.

Через пару километров местность понемногу стала повышаться: прежние пологие холмы сменялись всё более высокими и крутыми. На вершинах некоторых из них располагались селения, как правило, сунийские. Бонхойцы жили в основном по берегам рек или ручьев, где хватало воды для орошения полей, загнав своих данников на более сухие возвышенности.

На ночлег остановились в бонхойской деревне. За день мы отмотали километров двадцать, посему настроения болтать с местными не было никакого. Так что завалились спать. Утром встали вновь ни свет ни заря, на этот раз по инициативе Вараку. Причём народ собрался в небывало бешеном темпе. Причину столь странного поведения моих спутников я понял уже после обеда.

Деревня, где мы ночевали, была последней на территории области Бонхо. Дальше лежала незаселённая зона. Река Боо, берегом которой мы в основном шли все три дня, превратилась в широкий ручей. Очень скоро наш отряд добрался до водопадов. Тропа петляла среди скал, ведя всё выше и выше. Через пару часов взбирания по крутому подъёму яркая пышная тропическая зелень, успевшая стать для меня привычной, осталась внизу. Вокруг теперь тянулись то голые скалы, то куцые деревца и кустики, причём преобладали похожие на хвойники. Солнце припекало нещадно, но мои «соплеменники» неустомимо карабкались вверх по тропе, не обращая внимания на пот, текущий по спинам и заливающий глаза.

Не выдержав, я спросил Вараку, почему мы всё лезем вверх без отдыха. Предводитель отряда сказал, что все стараются преодолеть перевал и спуститься в долину Со засветло, потому что ночью здесь, на высоте, можно оказаться жертвой злых духов, которые насылают на людей жуткий холод и страшные болезни. Немало путников за последние десятилетия умерли после ночёвки среди скал в страшном жару или захлёбываясь жутким кашлем.

Чёрт, за два с лишним года новой жизни как-то позабылось, что существует такая вещь, как холод. И духи тут ни при чём: человек, привыкший к тропической жаре, запросто получит переохлаждение и воспаление лёгких, проведя несколько часов ночью в холодных горах в одной набедренной повязке.

Далеко после обеда мы спустились из лабиринта скал на равнину, окружающую озеро Со. Пейзаж вновь изменился – теперь наш отряд шёл по пустоши, на которой возвышались мясистые растения, похожие на кактусы, только без колючек. В высоту наиболее крупные экземпляры достигали два, а то и три человеческих роста.

Оказавшись внизу, сонaien не убавили темпа, как можно было ожидать, а, наоборот, пропустили ещё пуще, благо теперь дорога позволяла перемещаться чуть не бегом. В общем, я так и не понял: то ли они торопились к родным, то ли не хотели ночевать под открытым небом. Позже мне на своей шкуре довелось почувствовать, что и внизу, вокруг озера ночами бывает прохладно. Не так, конечно, как на перевале (там и иней может выпасть, в чём позже я мог убедиться сам), но всё равно приятного мало, так что жители Сонава предпочитали проводить ночь под крышей своих жилищ, в отличие от травяных бонхойских построенных основатель-

нее: частично из камня, частично из тонких брёвен. И очаги в сонайских хижинах служат не только для приготовления пищи, но и для ночного обогрева.

Наконец мы оказались в деревне, и можно было расслабиться. За два года среди дикарей я никогда так не выматывался. Так что процедура приветствия и взаимного обмена подарками помнилась очень смутно: только татуированные и изукрашенные ритуальными шрамами лица моей «родни».

Праздничный ужин по случаю моего визита и возвращения сородичей, посланных с торговой миссией, также практически не отложился в моей памяти.

О делах, приведших меня в Сонав, я был в состоянии говорить только после того, как хорошенько выспался и отдохнул, то есть к вечеру следующего дня.

Ну, то есть как о делах: приходилось вести длинные разговоры на разные темы, украшая всё это витиеватыми оборотами «торжественной» речи, как и полагается, как я уже говорил, воспитанному человеку каменного века. Хозяев интересовали виды на урожай коя и баки в Бон-Хо, свиньи Боре (хрюшки моего бегемотообразного приятеля, оказывается, имеют чуть ли не общеостровную известность), улов рыбы. Мало-помалу перешли к более абстрактным материям: как там конфликт между старостой селения Такаму и бонхойским таки (народу, собравшемуся на площадке возле Мужского дома, только оставалось дивиться моему дремучему невежеству по поводу такого известного казуса, как ссора между двумя столь уважаемыми в Бонхо мужами), что слышно о колдуне Огу из Теку-По.

Едва разговор зашёл о магии, сразу же выплыли мои собственные «успехи» на этом поприще. Пришлось рассказывать и об эпоее с Длинным, и выкладывать подробности гибели Ики Полукровки.

Потом, разумеется, мой рассказ свернул на водопровод и важную роль текущей воды в борьбе с духами кровавого поноса.

Наконец на последнем дыхании я сумел вернуть вопрос о голубовато-зелёных камушках. Впрочем, публика на него внимания не обратила, переваривая рассказ о моих деяниях.

Первым с ответным словом выступил дед Темануй, разразившись речью на тему, что он ещё тогда, больше года назад, разглядел во мне колдовской и творческий потенциал. Потом и остальные подключились со своими словами одобрения и удовлетворения тем, что сонайский народ дал миру ещё одного достойного сына.

По данному случаю как-то само собой организовался очередной пир...

В общем, проснулся я на следующий день опять за полдень.

«Нет уж, хватит безделья», – решил я сам для себя и двинулся искать деда Темануя.

Нашёл старика возле его хижины, где он занимался починкой рыболовных снастей, представляющих собой тонкие верёвки с кучей костяных крючков, на которые насаживалась наживка из личинок и насекомых. Потом всё это закидывалось в воду и оставалось только ждать да бормотать заклинания, приманивающие рыбу к закидушкам (так, кажется, это называлось в моей прошлой жизни).

Пришлось помогать деду прикреплять крючки к верёвке, заодно расспрашивая о зеленоватых камнях и выслушивая в ответ довольно развёрнутое описание местности, где эти камни следует искать. Как-то сомневаюсь, что сумею по перечисленным ориентирам найти места выхода медной руды на поверхность. Я так прямо и сказал Теманую. Тот посмотрел на меня с сожалением. После затянувшегося молчания он наконец сказал, что пошлёт со мной кого-нибудь из подростков.

На том и порешили. Дальше чинили закидушки под неспешный разговор о всякой всячине, а потом пошли на озеро ставить их.

Хороший рассказчик, каким был дед Темануй, приобрёл в моём лице благодарного слушателя. Так что день пролетел практически незаметно. В деревню вернулись со связкой рыбёшек. Голова же моя просто трещала от обилия информации, вываленной «пенсионером». Све-

дения, правда, по большей части носили характер легендарно-исторический – видно, старик решил просветить не до конца восстановившего память родственника по части истории Пеу в целом и сонаев в частности.

Самое занятное, получалось, что суне, занимающие подчинённое положение в Бонхо, и сонаи, подмявшие под себя почти весь остров, находятся в родстве.

Если верить преданиям, суне-сонаи много поколений назад в числе ряда других племён прибыли на Пеу с другого острова, или группы островов. Два поколения спустя с той же старой родины приплыли предки рана и сувана.

Новым пришельцам после небольшой, но ожесточённой войны с уже успевшими обжиться здесь племенами достались самые плохие земли на востоке Пеу. Почему плохие? А потому, что бóльшая часть осадков доставалась западному и южному побережью. На восточном же краю острова дождей выпадало в несколько раз меньше, чем в Бонхо или Текоке. Ещё хуже обстояло дело, как я понял, на берегу острова, который примыкает с севера к внешнему кольцу кратера, образующего Сонав, но на этой узкой полоске бесплодной земли вообще никто не живёт.

Если бы туземцы сажали картошку или морковь, то и на востоке, и даже на севере влаги для них хватало бы, но кой и баки для нормального роста должны были чуть ли не купаться в воде. Так что рана и сувана оказались в зоне рискованного земледелия и потому вынуждены были полагаться больше на ловлю рыбы и сбор пальмовых орехов.

На этом, однако, история заселения Пеу не закончилась.

Со времени появления рана и сувана успело смениться четыре поколения, и уже дожило свой век пятое, когда на остров обрушилось новое вторжение. Всего в нём участвовал добрый десяток племён. Большая часть захватчиков высадилась в нескольких удобных местах западного побережья. И только бонхо проплыли чуть дальше вдоль южного берега Пеу, добравшись до устья Боо.

Выбравшие западное направление, в общем-то, так и остались на побережье. Столкнувшись с сопротивлением племён внутренней равнины, вглубь острова им удалось продвинуться на один-два дневных перехода. А вот бонхо сумели захватить всю долину Боо. Местное население они большей частью подчинили своей власти, заставив платить дань, а наиболее упорных загнали в горы. Первые в итоге стали суне, вторые – сонаями.

Что до тех, кто высадился на западной оконечности Пеу, то после череды войн между пришельцами и коренными жителями, а также между самими пришельцами там образовалось три крупных объединения. Во-первых, союз во главе с обосновавшимися в устье реки Алуме племенами хоне и вэе, которые подчинили своей власти многие племена западного и северо-западного побережья. Во-вторых – тинса, занявшие юго-западный угол острова. И наконец, объединение племён внутренней равнинной области по берегам реки Алуме, наиболее сильным здесь было племя текоке.

Первоначально основная борьба развернулась между пришельцами: хоне и вэе с одной стороны и тинса с другой. А возглавляемый текоке союз поддерживал то одних, то других. Итог был, в общем-то, закономерен – обитатели берегов Алуме легко разгромили истощивших силы в войнах друг с другом хоне-вэе и тинса и включили их в состав своего племенного союза. Только небольшая часть тинса на крайнем юго-западе острова, защищённом болотами, сохранила независимость.

Бонхо же, пребывая в относительной изоляции от западной половины Пеу, вели войны с пытавшимися отвоевать более благоприятные места рана и сувана, а также с сонаями, которые пробовали вернуть свои старые земли. В общем, бонхо удалось отстоять завоёванное.

В ходе непрерывных войн таки, прежде просто командующие ополчениями племён в военное время, понемногу превратились в наследственных правителей, окруживших себя свитой из преданных им воинов-регоев. Также окончательно укрепились деление населения на

дареоев и ганеоев. Причём формирование этих двух каст-классов шло по-разному: если в Бонхо сохранялось чёткое деление завоевателей и покорённых на два племени, то на западе острова кое-где потомки завоёванного местного населения были включены в состав племён в качестве неполноправных родов (как это произошло у хоне-вэе с коренным населением устья Алуме), или же, наоборот, пришельцы сами становились данниками коренного населения (как поступили текоке с частью хоне и вэе после победы над ними).

Однако объединение под властью текоксских таки запада Пеу вовсе не означало окончания войн.

Пока обитатели низин увлечённо резались друг с другом, сонаи относительно мирно приспособлялись к суровым, по тропическим меркам, условиям своей новой родины. Как ни странно, но они приловчились выращивать на влажных приозёрных участках корнеплоды, пусть и не с такой урожайностью, как в долинах Боо, Алуме или мелких речушек в Талу, Хоне и Вэе, но на питание растущего населения Сонава до поры до времени хватало.

А где-то через два или три десятилетия после объединения западного Пеу под властью таки Текока вся пригодная для выращивания баки и коя земля в Сонаве была занята. Вначале сонаи, помнящие ужас разгрома от бонхо, предпочитали драться за плодородные участки между собой. Но как-то само собой получилось, что в ходе этих стычек произошло объединение всех восьми кланов-селений под властью наиболее удачливого из вождей.

С бонхо обитатели горы связываться не хотели, поэтому обратили свой взор на запад, в сторону Алуме. Увы, как оказалось, воевать подвластные текокским таки племена умели не хуже сонаев. Незадачливый вождь горцев остался где-то под текоксской столицей с половиной своего войска. Поражение, однако, не сломило сынов Сонава. Спустя пять дождливых сезонов, когда ряды сонайских воинов пополнили подросшие сыновья и иные младшие родичи павших под Тенуком, двоюродный брат погибшего вождя Каноку повёл сонаев – на этот раз на Бонхо.

Здесь их ждал успех. Бонхойцы не ожидали вторжения с севера, считая сонаев трусами.

Быстро пройдя вдоль берегов Боо, воины Каноку дошли до моря, в нескольких сражениях разгромив спешно собранные ополчения бонхойцев. Таки страны пал на поле боя, как и большая часть его регоев. Новый правитель – не то сын, не то племянник, не то ещё какой родственник погибшего таки, которого Каноку женил на своей младшей сестре, – предпочёл удовлетворить требования захватчиков, которые, в общем-то, сводились к уступке сонаям части территории на побережье, где береговые сонаи обитают и по сей день.

Дальше выселения части народа за пределы ставшего тесным Сонава, как я понял, планы сонаев не распространялись. С их точки зрения вопрос был исчерпан переселением на новое место жителей трёх деревень и разделом освободившейся земли между оставшимися пятью селениями. Но новый таки-марионетка соображал чуть лучше своих хозяев и сумел понять, что бонхойцы рано или поздно оправятся от шока, вызванного разгромом, и попытаются отомстить пришельцам с гор, попутно вернув отнятые земли и данников-сунийцев. Выход он предложил в продолжение военной экспансии. Скудный восток с нищими и дикими обитателями в качестве объекта завоевания не привлекал. И потому бонхойско-сонавское войско двинулось на запад – в Текок.

Процесс дальнейшего и всестороннего объединения Пеу не обошёлся без определённых сложностей – от ожесточённого сопротивления текоков до необходимости повторного покорения Хона и Вэя, отделившихся под шумок от Текока и потом не захотевших подчиняться власти сонаев. Так что череда войн продолжалась добрых двадцать дождливых сезонов. Зато и объединён был почти весь остров, кроме Тинсока, защищённого болотами, да никому не нужного востока.

Тут как раз подрос племянник Каноку Пилапи – сын сестры и бонхойского таки (дед Темануй почему-то упорно не называл того по имени – то ли история не сохранила его имени, то ли старик, будучи упёртым сонайским националистом, почитающим другие народы за людей

второго и третьего сорта, не считал нужным упоминать имени какого-то бонхойца). Несмотря на молодость, племянник успел показать себя храбрым воином и хорошим командиром. Как выяснилось впоследствии, и правителем страны он оказался не худшим.

Почему Каноку решил сделать первым типулу-таки в истории Пеу не себя, а сына сестры, доподлинно не известно. Может, чувствовал, что, несмотря на свой талант военачальника, государственный деятель из него не ахти какой – бонхойский таки, по всей видимости, был куда более достойным правителем, – проскальзывало это в рассказе деда, как ни старался мой родственник принизить роль отца первого законного правителя острова. В общем, коронация на должность типулу-таки близкого родственника (а племянник считался почему-то у моих папуасов роднее сына) была для вояки Каноку лучшим выходом.

Первые лет десять, пока были живы отец и дядя, правитель Пеу вынужден был с ними считаться, но потом, когда те отправились по Тропе духов, руководил Пилапи подвластной ему страной собственным умом.

Со времени первого типулу-таки, или, короче, как уже говорилось, просто типулу, начинается период, можно сказать, исторический, потому что прошло с той поры не так уж и много времени, и все правители, начиная с Каноку, несмотря на приписываемые им магические способности, являлись, безусловно, реально существовавшими людьми.

В общем, если судить по «дождям» правления вождей, то прошло около ста лет с сонайского вторжения в Бонхо. Из них двадцать – двадцать пять лет приходится на правление Каноку, ещё десять – на царствование первого типулу под чутким руководством дяди и отца. Дальше три десятилетия составлял местный «золотой век» – самостоятельное правление Пилапи Старого и Великого. В это время войны меж племенами практически прекратились (набеги тинса, рана и сувана на окраинах – это так, мелочи, по сравнению с охватывающей весь остров резнёй предыдущего периода), урожаи корнеплодов и пальмовых плодов были высоки; вдобавок ко всему именно при первом типулу-таки, около ста лет назад, стали приплывать чужеземцы, предлагающие на обмен металлические оружие с посудой и много иных диковинных вещей.

Второй типулу, Касумануй, один из младших сыновей основателя династии, правил менее десяти лет, его наследник Ратика – всего четыре года. И только четвёртый типулу, Пилапи Молодой, пребывающий в должности последние тридцать два дождливых сезона, смог сравняться со знаменитым предком. Возможно, поэтому, в отличие от двух своих предшественников, ничем особо не отметившихся, в глазах подданных нынешний правитель выглядел фигурой сопоставимого с Пилапи Великим масштаба...

Политпросвет продлился далеко за полночь, но, как ни странно, утром я проснулся с первыми лучами солнца, выглянувшего из-за края гор. Причём чувствовал себя настолько бодро, что сразу отправился к деду Теманую напомнить насчёт проводников. После скудного завтрака (пойманной вчера рыбой) он потащил меня за собой обратно в сторону Мужского дома. Здесь устроил экстренную побудку имеющихся в наличии воспитуемых. Из которых выбрал по своим критериям двоих. В своей обычной манере толкнул небольшую речь об откомандировании их в распоряжение родственника «с низа» на несколько дней для помощи в поисках амулетов.

Задерживаться я не стал, велел проводникам-помощникам вести меня к местам выхода на поверхность зеленовато-голубых камней.

Как я понял, малолетние оболтусы были только рады прогуляться по окрестностям вместо того, чтобы постигать курс туземных наук под крышей Мужского дома. Причём один из них прихватил корзину с едой, чего я как-то не догадался сделать.

Следующие два дня были посвящены лазанию по окрестностям Тено-Кане, как именовалось селение, где я остановился. В общем-то, весь Сонав представлял собой неправильной формы овал: в центре озеро Со два или три километра в длину и раза в полтора меньше в ширину. В озеро стекают несколько ручьёв со склонов кратера. Вытекает из озера довольно

вялая речушка, нисколько не напоминающая Боо в нижнем течении. Вокруг Со тянется сплошная полоса тщательно возделанной земли от нескольких сотен метров до пары километров шириной, орошаемой отводимой по канавам водой из ручьёв. Ещё дальше, по сырым местам, идут отдельные поля. На малопригодных же для выращивания коя и баки участках стоят деревни. Эта зона шириной в несколько километров сменяется практически незаселённой и малоиспользуемой территорией, простирающейся до внутренних склонов кратера.

Вот там-то я и лазил, ища медную руду. С помощью моих помощников за день удалось натаскать в Мужской дом кучу камней, напоминающих тот, первый. Заодно я постарался запомнить места. Не сильно надеясь на память, пожалел об отсутствии бумаги и ручки. И ляпнул Теманую о данных благах цивилизации. На что узнал о существовании растущего только на озере Со тростника, из которого можно нарезать длинные полосы «папируса», как я для себя его окрестил, шириной с ладонь. Сонаи их используют в качестве поделочного материала, который хорошо красится доступными местным красками. Некоторые умельцы ухитряются создавать целые комиксы на коробках или корзинках, на которые он в основном и идёт.

Проблема была в краске, достаточно быстро засыхающей, и при этом прочной. Но я отчасти решил её, просто выцарапывая на «папирусах» нужные мне знаки. Для лучшей видимости я ещё втирал в царапины уголь.

Карты-схемы расположения медной руды, учитывая мои весьма посредственные способности художника, выходили корявыми – сомневаюсь, что даже я сам через год или два сумею разобраться в этих каракулях, не говоря уже о возможности пользоваться ими кому-то ещё.

Третий день я посвятил отдыху от лазания по каменистым пустошам и таскания камней зеленоватого цвета. С утра опять с Темануем ходили ставить закидушки, а вечером пекли на костре и тут же поедали пойманную рыбу в компании сыновей и внуков старика.

Дед рассказывал о своей службе в регоях у Пилапи Молодого. В том числе и о разборках среди столичной знати. Оказывается, там тот ещё гадюшник: к примеру, нынешний правитель получил власть в результате длительного противостояния группировок при дворе его отца Ратики, причём временами эта борьба выходила за рамки интриг с целью получить благосклонность типулу и очернить противников – случались и убийства из-за угла, и дворцовые перевороты. В ходе одного из них Пилапи и захватил власть, отправив по Тропе духов нескольких враждебно настроенных приближённых отца и пару сводных братьев, наиболее упорствующих в борьбе за трон.

Причём на мой наивный вопрос насчёт того, что братоубийство вроде дело нехорошее, все присутствующие удивлённо пожали плечами: ведь он же убивал сводных братьев, от других отцовских жён, вот если пролил бы кровь братьев по матери, тогда другое дело, не было бы Пилапи прощения.

Попробовал я осторожно поинтересоваться и насчёт чужеземцев, привозящих металлические изделия. Увы, к тем отрывочным сведениям, которые уже у меня имелись, добавить особо ничего не удалось: да, приплывают, да, ведут меновой торг в Мар-Хоне, столице области Хон, называют себя воке, находится их страна к северу от Пеу, причём очень далеко – плыть до Воке нужно два месяца. Со слов этих воке, вроде бы есть земли на востоке в месяце пути от Пеу, но тамошние обитатели к нашим берегам не плавают.

Ни о точном расположении Воке и других стран, ни о населении, ни об уровне их развития туземцы ничего не знали. Мне оставалось только строить догадки. Например, насчёт того, что за пределами Пеу царит бронзовый век – по крайней мере, среди импортных предметов я не видел ничего железного, да и дед Темануй однозначно говорил, что все мечи, топоры и браслеты были разных оттенков жёлтого цвета. В земной истории железо пришло на смену бронзе вроде во втором тысячелетии до нашей эры, только не помню, в начале или в конце.

Устроив себе выходной, я настроен был завтра же приняться за получение меди. Однако запасов угля, прихваченных с собой, мне хватило бы только на пробную выплавку, а нормаль-

ных деревьев не было в радиусе пяти километров от деревни. Кроме того, я как-то забыл о коже для мехов. Так что пришлось обращаться за помощью к хозяевам. Тут я сильно задумался, что им говорить. В итоге решил сказать правду. Ну или почти правду.

Начал разговор с дедом Темануем с истории с Длинным. Решил изобразить получение меди как побочный результат колдовства с целью вернуть душу в тело. Как вещественное доказательство продемонстрировал миниатюрное медное лезвие, висящее у меня на шее.

Дед, выслушав мой рассказ, задумался. Потом, нарушив молчание, сказал, что нужно посоветоваться с Панагинуем как самым сведущим в колдовстве среди обитателей Тено-Кане.

В общем, ещё два дня ушло на обсуждение тонкостей той области колдовства, которая позволяет вынимать душу из тела и засовывать её обратно или помещать в иные вместилища. Людей, считающих, что им есть что сказать, нашлось немало, по-моему, они собрались со всех пяти деревень Сонава.

В итоге я сто, нет, тысячу раз пожалел о придуманной мной легенде открытия меди и готов был немедленно начать войну с вредными суевериями среди аборигенов острова Пеу. Впрочем, догадываюсь: придумай я иное объяснение, например, что сведения о меди открылись мне в процессе общения с духами, то публика всё равно устроила бы конференцию, на этот раз о достоверности полученной от тонких существ информации или о том, нет ли во всём этом какой-нибудь подковырки со стороны духов.

Наконец все магические вопросы, связанные с разрушением камешков, которые являются местом заточения не то чьих-то душ, не то каких-то странных духов, были решены: подавляющее большинство присутствующих колдунов – профессионалов и любителей – пришло путём логических построений (оставшихся для меня не совсем понятными или, точнее, совсем непонятными) к выводу, что воздействие температуры в сочетании с определённого рода заклинаниями сведёт к минимуму возможные вредные эффекты.

Разобравшись с нейтрализацией высвобождающихся в процессе выплавки меди духов, принялись за обсуждение материально-технической стороны предстоящего дела.

Здесь, как ни странно, все вопросы решались без особых затруднений: дрова для выжигания угля принесут из ближайшей рощи в двух километрах ходьбы, пара кусков тюленьей кожи для мехов найдётся, и помощниками я буду обеспечен.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Так, кажется, в русских народных сказках говорится.

С помощью доброй половины населения Тено-Кане я ухитрился переплавить всю собранную кучу малахита в десяток медных слитков, практически не содержащих шлака или недовосстановленной руды, а преисполненные энтузиазма сонаи натаскали мне камней в десять раз больше про запас.

Вот с переработкой в готовые изделия не очень хорошо получалось. Пару топоров удалось отлить, используя в качестве образцов имеющиеся в деревне заморские аналоги – вышло, правда, грубовато и не очень остро, но народ был в полном восторге. А вот уже с ножами, которые требовалось проковывать, чтобы получить более тонкие лезвия, дело обстояло плохо: они выходили то твёрдыми, но плохо поддающимися ковке, то, наоборот, хорошо ковались при несильном нагревании, но при этом гнулись о более-менее прочный предмет. Ну ладно, со странным поведением меди я надеюсь со временем разобраться.

А пока я собирался домой, в Бон-Хо, тяжело нагруженный медными слитками и готовыми изделиями. Одного меня, конечно, сонаи не отпускали: мало того что дорога для одинокого путника опасна, так и вес, несмотря на небольшой объём, получался изрядный.

Тепло попрощавшись с жителями Тено-Кане и обсудив напоследок перспективы дальнейшего сотрудничества в области металлургии, я в сопровождении Вараку и пары внуков деда Темануя выступил в путь. Хозяева на радостях от открывающихся перспектив (а выгоду от поставленного на поток производства металлических изделий понимали все) помогли дота-

щить всё медное богатство до перевала и даже спустили груз вниз – до самого начала более-менее нормальной тропы.

По дороге, уже на бонхойской территории, я обсуждал с Вараку, как себя вести дома. В общем-то последние несколько дней только вокруг этого и крутились все разговоры с Темануем, тем же Вараку и прочими уважаемыми в Тено-Кане людьми. Учитывать приходилось две вещи. Во-первых, медь требовала кооперации, по крайней мере, Сонава и Бонхо: как в силу того, что требовался рынок сбыта для продукции, более широкий, чем пятнадцать тысяч жителей долины Со, так и из-за потребности в огромном количестве угля для работы, на который сонаи все свои деревья изведут за пару-тройку лет. Во-вторых, подобное крупное предприятие, влияющее на жизнь большой области, требовало солидной крыши, каковой может быть только бонхойский таки. Ну или тиблу-типулу. До правителя Пеу всё-таки далековато, так что оставался только наш областной начальник.

Именно для создания у Ратикуйтаки правильного представления об открывающихся перспективах я и тащил в заплечном коробе предназначаемые ему наиболее удачные топор (для которого дед Темануй самолично вырезал и приделал рукоятку) и нож, затейливо украшенный по костяной ручке резьбой.

Глава 7, ***в которой герой в очередной раз убеждается в*** ***своём невежестве, а также открывает в себе*** ***способности пророка, но это его нисколько не радует***

– А ты, Тинакой, со своими людьми будешь копать землю от этого камня до подножия холма. – Мысленно я добавил: «И до обеда».

Объяснение задач, стоящих перед сунийцами, продолжались своим чередом. Шесть их сотен собрались волей правителя Бонхо Ратикуитаки среди этих холмов. Семь отрядов уже получили фронт работы, оставался последний. И тогда маленькая армия, предоставленная в моё распоряжение, будет полностью задействована. Несмотря на всю мою самоиронию по поводу «стройки века» и «сталинского плана преобразования природы», проект по изменению направления течения нескольких ручьёв и речушек в окрестностях Хау-По на самом деле был, по местным меркам, когда обычно совместно работало максимум несколько десятков человек, масштабным.

Если я всё правильно рассчитал, а также если всё запланированное будет сделано, то убьётся сразу несколько зайцев: во-первых, должно исчезнуть или сильно уменьшиться болото к югу от столицы Бонхо – главный рассадник кровососов в окрестностях, во-вторых, осушаемые земли можно пустить под новые посадки коя и баки, в-третьих, отведённая вода должна наполнить систему прудов, которые обеспечат орошение полей вокруг сунийских деревень.

Разумеется, всё это громадьё планов существовало в данный момент только в моей голове. Пока что я предложил правителю Бонхо один из ручьёв, берущий начало в нескольких километрах к северо-западу от Хау-По, отвести к двум сунийским селениям и в ложбине между холмами соорудить пруд, из которого пойдёт забор воды на поля.

Два с лишним года назад по пути домой, в Бон-Хо из Сонава, я преподнёс Ратикуитаки небольшой медный топорик собственного изготовления, выглядевший на фоне заморского аналога, который висел на поясе нашего областного босса, «жигулёнком» перед «мерседесом». В тот миг даже не представлял, что в скором времени я попаду в ближнее окружение правителя всего Бонхо, став при нём кем-то вроде министра промышленности.

Тогда все мысли были насчёт «крыши», позволяющей запустить широкомасштабную выплавку меди. Конечно, я с удовольствием организовал бы коммерческое предприятие только с участием моих сонайских родственников и будущей родни в лице многочисленного Алкиного семейства, но, увы, этому мешал главный принцип местной экономики. Заключался же он в том, что частная инициатива – вещь, конечно, хорошая и окружающими одобряемая, вот только делиться её плодами необходимо с кучей родственников, друзей и просто уважаемых людей. В соответствии со своим специфическим менталитетом туземцы воспринимали чужое богатство как нечто, на что имеют право все желающие – сообразно степени родства с его владельцем и статуса среди окружающих. Причём, если плоды своего личного труда ещё можно было защитить от посягательств местных «первобытных коммунистов» (пусть и ценой репутации скряги, которому никто не станет помогать в трудную минуту), то продукт любой деятельности, которой занималось несколько человек, обязательно становился «достоянием всего общества».

Да что тут говорить, если даже эксплуатация сунийцев со стороны таки, деревенских старост и приближённых к ним лиц не могла протекать иначе, как будучи оформленной в виде заботы о благе всех дареев-бонхо, в пользу которых, дескать, местные боссы и трясли ганеов-сунийцев.

Потому ничего удивительного, что единственный выход в таких условиях я видел в покровительстве таки, который организует использование продукта медеплавильной мастерской на благо всего общества. Так, по крайней мере, это будет выглядеть в глазах его подопечных. То, что на самом деле большая часть «плюшек» достанется самому областному начальнику и его приближённым, дело десятое, главное, чтобы приличия соблюдались.

Приняв топор в подарок и выслушав мой рассказ, Ратикуитаки быстро оценил открывающиеся перспективы. Поэтому предложил медеплавильную мастерскую организовывать не в Бон-Хо, а в своей столице. Предложение относилось к разряду тех, от которых невозможно отказаться. Но я быстро убедился в его пользе для дела. Кроме привилегии обращаться в любое время к Главному Боссу, распоряжающемуся наибольшими людскими и материальными ресурсами по всему Бонхо, расположение медеплавильни в Хау-По сокращало на пару десятков километров путь от месторождения руды до плавильной печи.

Почти год ушёл на отладку технологии выплавки и организацию регулярных поставок руды из Сонава. Много чего пришлось осваивать: от отмывания мелких частиц малахита от примесей песка и пустой породы (может, конечно, передо мной был вовсе не малахит, но я называл эту руду именно так) до подгонки механических свойств получаемого металла.

Я так и не понял, какие примеси обуславливали получение то хрупкой, то чересчур мягкой меди. Но в конце концов мои помощники наловчились подбирать пропорции, в которых требовалось сплавлять разные партии металла, чтобы получались изделия с оптимальным соотношением твёрдости и ковкости.

Также они заметно усовершенствовали мои заклинания и прочие магические действия по нейтрализации и обеспечению новыми местами заключения сонмищ духов, томящихся в зелёно-голубых кусках руды, в итоге создав целую систему защиты от потусторонних существ.

Когда пошли первые партии меди в промышленных масштабах, Ратикуитаки потребовал ускоренно штамповать оружие для своей свиты. Я же набрался смелости и предложил ему часть металла пустить на сельхозинвентарь. С трудом удалось убедить нашего босса выделять хотя бы четверть продукции на «орала» вместо мечей.

Десяток медных тяпок, столько же лопат и сотня с лишним наконечников на привычные туземцам палки-копалки неплохо ускорили процесс обработки полей вокруг Хау-По. Правда, привело это только к тому, что местная публика просто стала тратить меньше времени на ковыряние в земле, но не увеличивать возделываемые площади и собирать большие урожаи. В итоге никакого серьёзного роста сельскохозяйственного производства не произошло. Всё это напоминало анекдот о негре, который лежит под пальмой и ничего не делает.

Вот только мне было совсем не смешно, поскольку накрылись медным тазом надежды на дополнительное продовольствие, которое пошло бы на прокормление расширенного штата медеплавильной мастерской, а новые работники должны были наклепать ещё больше тяпок и прочих чудо-орудий, что должно было привести к ещё большему росту производства корнеплодов и поголовья свиней. И таким образом, народ Бонхо пойдёт по пути прогресса и цивилизации.

Подобная корректировка моих планов со стороны широких слоёв дарейского населения здорово бесила, так что я был готов начать агитировать Самого Главного Босса за введение рабовладения и наихудшей тирании, только бы они заставили папуасов работать, как негров на плантации. Загвоздка, однако, в том, что о рабовладении туземцы не имели никакого представления, а попытки установить деспотическую власть с целью выкачать больше дани из подопечного населения в местной истории уже бывали – вот только заканчивались они плачевно для вождей, до такого додумавшихся.

К примеру, судя по некоторым расплывчатым фразам и намёкам окружающих, сам Ратикуи как раз и занял свой ответственный пост после преждевременной смерти своего старшего

брата, наступившей от удара боевой дубинкой по затылку. А ведь предшественник всего-то попробовал поднять дань с ганеоев и уменьшить чуть-чуть долю в ней, достающуюся рядовым дареоям, да попугал немного доблестных бонхо, начавших возмущаться попранием старых законов.

Так что запланированные ирригационные работы я с самого начала решил чётко привязывать к увеличению дани с тех сунийских деревень, которые попадают в зону грядущей ирригации.

Нашего таки пришлось долго убеждать, разжёвывая по несколько раз все возможные выгоды с полей, дружно колосющихся корнеплодами. В конце концов Ратикуитакки купился на рисуемые мной картины тучных нив и пажитей, с которых сунийцы будут собирать двойные и тройные по сравнению с нынешними урожаи. В общем-то, рост благосостояния данников правителю был до лампочки. А вот возможность получать с них в два раза больше продуктов для прокорма оравы головорезов и всяких прихлебателей Ратикуи оценил.

Учитывая, что таки – это не то титул, не то должность, имя моего нынешнего шефа можно подсократить, по крайней мере мысленно. Вслух этого лучше не делать: жители Пеу весьма трепетно относятся к полным формам имён, вроде бы считается, что, укорачивая имя, «обрезают» жизненную силу человека или что-то типа того, так что такие вещи здесь проходят по части злокозненной магии.

Свита у таки немалая: полсотни здоровых мужиков, вооружённых большей частью типичным туземным оружием – дубинками из твёрдого дерева и короткими копьями. Сам таки и несколько человек щеголяли с заморскими топориками и кинжалами. Часть воинов-регоев за последнее время успела обзавестись, благодаря мне, медными ножами, топорами и наконецниками копий.

Пока я проводил большую часть времени в медеплавильной мастерской, раз в два-три месяца отлучаясь в Сонав или Бон-Хо, то вполне обходился в качестве помощников подростками посмышлёнее да Длинным с двумя друзьями, которые каким-то непостижимым образом превратились в мою личную свиту. Несмотря на неоднозначное отношение к записному деревенскому баклану, умудрившемуся под влиянием сотворённого с ним колдовства проникнуться ко мне неподдельным уважением пополам со страхом, иметь под рукой собственных отморозков оказывалось во многом полезным: и в неизбежно случающихся трениях среди окружения Главного Босса чувствуешь себя увереннее, зная, что за спиной стоят преданные лично тебе крепкие молодые люди, и при возникающих заминках в работе есть кому угрожающе выпятить челюсть и многозначительно покрутить боевой топор в ловких руках. Так что Длинный и его подручные вполне оправдывали свою долю в пищевом довольстве, которое Ратикуитакки отпускал на медеплавильню. Тем более первое время им исправно подкидывали продуктов родственники из Бон-Хо, а потом эта троица получила свой кусок на деревенских полях, где теперь в основном трудились их местные подруги, поскольку сами мои персональные регои предпочитали торчать возле своего босса, то есть меня.

Но когда началась движуха со строительством каналов и прудов, наш таки решил выделить мне в помощь несколько своих бойцов. Быстро выяснилось, что толку от них было чуть больше, чем молока от самца одного домашнего животного. Но на этапе разъяснения жителям сунийских деревень идеи гидротехнической системы и благ, которые от неё последуют, мордovorоты-регои оказались очень кстати – воистину, доброе слово в сочетании с боевыми дубинками и топорами куда более действенно, чем просто одно доброе слово.

Но с началом собственно строительства оказалось, что согнанные на принудилровку сунийцы от вида важно и горделиво расхаживающих регоев работать лучше не стали, отрядами землекопов руководили свои начальники, а разрабатывать трассу будущего канала мне помогали бонхойцы из числа тех, кто участвовал в проводке местного водовода.

Так что на второй день стройки я вежливо поблагодарил шефа за высокую честь, которую он мне оказал, выделив под моё начало полдюжины своих регоев, но сказал, что мне будет достаточно трёх, а не полдюжины. Этих при себе пришлось оставить не только для солидности (как-никак я не последнее лицо в Бонхо, а особа, приближённая к Ратикуитаки), но и в качестве посыльных. Ну и для вящего спокойствия правителя: вождь наш – человек в общем-то простой, не чета начальникам из той России, которую я потерял (или которая потеряла меня – это с какой стороны посмотреть), но особой доверчивостью не отличается, и регои должны были не только помогать, но и приглядывать за мной на предмет, не сговорюсь ли я с кем-нибудь против таки. Одно дело, когда Ралинга-сонай сидел в медеплавильне, начальствуя над десятком рабочих, да иногда выбирался в Бон-Хо или к родне в Сонав. И совсем другое, когда у меня в подчинении сотни человек, причём не только суне, но и бонхойцы, и когда я общаюсь по производственной необходимости с кучей народа – от старост деревень до практически всего ближнего окружения Ратикуитаки.

Впрочем, один из откомандированных ко мне регоев, Такумал, неожиданно показал себя толковым организатором землекопных работ и по совместительству самородком-гидротехником, который намного лучше вашего покорного слуги мог проложить трассу будущего канала. Так что многие вопросы я нагло повесил на него...

– Уважаемый!

Я недовольно повернулся в сторону окрика, отвлёкшего меня от процесса руководства (в данном случае – практически в прямом смысле этого слова, ибо я действительно интенсивно водил рукой, очерчивая перед сунийцами фронт работ).

Это что ещё за явление Христа народу? Компания совершенно незнакомая. Десяток мужчин: трое увешаны кучей цацек, означающих высокий статус их владельцев, остальные без особых понтов, но все вооружены, причём преобладали металлические топоры и короткие мечи явно «импортного» происхождения. Так что публика солидная – стопроцентные регои. А изобилие привозного оружия (как бы его на этих десятерых было не больше, чем во всём Бонхо) говорит о том, что они с запада острова.

Двое из этой компании – молодой парень и седоватый мужик в годах – выделялись светлой кожей и отсутствием татуировок на лицах. Пожилой чересчур пристально на меня пялился, словно пытался вспомнить, где же мы с ним встречались? Ну ладно, за погляд денег не берут. Тем более здесь денег вообще не знают.

Под прикрытием мужчин стояли четыре женщины: пожилая тётка, точнее, даже старуха, две молодые и совсем ещё девочка, лет десяти-одиннадцати. Эта пигалица, однако, была увешана ожерельями из камней, ракушек и птичьих перьев покрупнее троих самых главных регоев. Наследница знатного рода? Скорее всего... Бедный ребёнок, как она таскает всё это?

– Что угодно почтенным регоям? – спрашиваю как можно вежливее.

В конечном счёте, судя по усталому и, будь на них какая-нибудь одежда, кроме набедренных повязок, я сказал бы – помятому виду этой компании, они немало протопали пешком, не исключено, с западного побережья Пеу. И вполне возможно, под крышей человеческого жилища ночевали последний раз несколько дней назад.

– Не скажешь ли ты нам, где мы находимся? – сказал высокий (для туземца) воин лет тридцати с небольшим.

– Вы в стране Бонхо. До Хау-По, где пребывает наш могучий, храбрый, щедрый и справедливый правитель Ратикуитаки, вы можете добраться, если поспешите, до того, как солнце начнёт спускаться к закату. Но коль доблестные регои устали в пути, я могу предложить им отдохнуть с дороги и разделить трапезу со мной и моими людьми. Только я сейчас закончу свои дела. – С этими словами поворачиваюсь к Длинному и командую: – Паропе, – так на самом деле звали служащего мне и за страх, и за совесть баклана, – выдай Тинакою орудия

для его людей. А ты, Тинакой, за каждую лопату отвечаешь лично, – добавил я, обращаясь к сунийскому старосте.

Чужаки с заметным удивлением разглядывали кучу блестящих с красноватым оттенком лопат и кирок, которую разбирали ганеои. Я, делая вид, что не обращаю внимания на их реакцию при виде такого количества дорогого металла в столь странной и оскорбительной для настоящего мужчины и воина форме шанцевого инструмента, говорю:

– Прошу пожаловать славных регоев к нашему столу. Меня зовут Сонаваралинга. – Затем представляю взрослую часть своей свиты. Между делом успеваю ещё дать распоряжение одному из подростков: – Вигу, беги в Хау-По и скажи Ратикуитаки, чтобы он готовился к встрече гостей-регоев издалека.

Мой посыльный немедленно припустил в сторону нашей столицы – тут, главное, не какие-то гости, а то, что заявила увешанная оружием компания чужаков.

– Меня зовут Огорегуй, – представился заговоривший первым пришелец. – Со мной, – и он, вопреки ожиданию, указал не на самого здорового и немногим меньше его увешанного атрибутами высокого положения воина, а на пигалицу, – Солнцеликая и Духами Хранимая тэми Раминаганива.

Лица моей свиты приобрели неподдельно почтительное выражение – так, пожалуй, они даже на нашего Самого Главного Босса не смотрят. М-да, всё же я ещё мало знаю о местных реалиях. Что это за тэми такая, которая такое уважение внушает всем? Надеюсь, озадаченное выражение на моей физиономии будет истолковано как проявление приличествующих моменту чувств. А то ещё, чего доброго, предстану в глазах присутствующих неграмотной деревенщиной.

– Для нас всех высокая честь, что на нашей скромной трапезе будет присутствовать Солнцеликая тэми. – Надо же, я уже без подготовки научился выдавать фразы на местном витиеватом языке, предназначенном для особо торжественных случаев вроде сегодняшнего.

А вот сложную систему туземных рангов и титулов как-то не заучил, довольствуясь запоминанием того, как следует обращаться лично и называть за глаза тех, с кем приходится сталкиваться постоянно, вроде наследственных либо выборных деревенских вождей или нашего Самого Главного Босса.

У меня с собой было, конечно, чем перекусить десятку-другому человек. Но на пришельцев продуктов явно не хватало. Так что пришлось залезть ради гостей в припасы, предназначенные для сунийцев-землекопов. Ну ладно, полтора десятка едоков за один обед вряд ли заметно уменьшат двухдневное довольствие нескольких сотен человек, в крайнем случае я потом по-тихому компенсирую.

– Благодарим почтенного регоя, – ответил Огорегуй. При движении многочисленные ракушки и камушки на нём гремели. – Все мы действительно устали и проголодались.

Чёрт, едва не забыл!

– Прошу прощения у уважаемых путешественников, – сказал я, – мне нужно закончить дела. – И повернулся к подросткам из своей свиты: – А вы, бездельники, тащите съестное. Паропе, сходи с ними, возьмите коей и рыбы из запасов для рабочих. Только сначала верни сюда Тинакой, пока он далеко не ушёл.

Длинный быстро притащил старосту-сунийца. Открываю свой грессбух – связку полос сонавского тростника в «обложке» из тюленьей кожи и делаю отметку о выдаче орудий труда.

– Всё, иди, – приказал я сунийскому старосте. – За лопаты и мотыги отвечаешь лично. Когда закончите копать свой участок и я приму работу, чтобы всё вернули. – Такое вот колдовство под названием «учёт выданного инвентаря».

Чужаки с интересом наблюдали за моими манипуляциями с письменными принадлежностями, понимая, что присутствуют при каком-то магическом обряде, судя по сникшему вмиг Тинакою, ничего хорошего тому не сулящему (хитрый суниец уже, небось, рассчитывал заны-

кать половину вверенного ему инструмента, воспользовавшись моей занятостью гостями, а тут я его «записал»). Да и вид нарядно блестящего на солнце шанцевого инструмента, который землекопы разбирали из кучи, их вообще, насколько я мог судить, поверг в немалый шок. Но вопросов никто из них не задавал – вот что значит воспитанные люди.

Пока я проводил бюрократическо-магическую процедуру, мальчишки-посыльные и женщины из отряда пришельцев разводили костёр, на котором подогрели большой горшок с печёным коем. На циновки рядом с горшком вывалили лепёшки из пальмовой муки, сушёные фрукты и копчёную рыбу (кстати, моё изобретение, которое уже успело удостоиться от благодарных местных гурманов нескольких строк в заунывных былинах, воспевающих нашего щедрого вождя и воинов-регоев, пирующих за его столом, ну и заодно меня, как изобретателя). Распоряжение приготовлением к обеду взяла в свои руки бабка из свиты тэми. Она зычным голосом отдавала команды, да и сама носилась по поляне, тряся обвисшими грудями. Зрелище было не очень аппетитным. Вот у двух молодых девах – другое дело. Что до знатной обладательницы пышного наряда, то у неё ещё рассматривать было нечего.

Голод утолили. Теперь можно переходить к вопросам.

– Откуда вы, почтенные, идёте и куда направляетесь? – полюбопытствовал я. – Впервые вижу столько людей с запада острова. Вы ведь с запада?

– Да, мы из Тенука, – ответил Огорегуй.

Ага, Тенук, столица Пеу и области Текок, лежащей почти у самого западного побережья, но выхода к морю не имеющей. Правят им непосредственно верховные правители острова – тиблу-типулу.

Нехорошие предчувствия зашевелились во мне. Последний год из тех краёв приходили новости одна тревожнее другой: сначала смерть Пилапи Молодого, потом война за власть между его сыновьями, вроде завершившаяся гибелью одного из них. Компашка эта вполне может быть сторонниками проигравшего претендента. А эта увешанная местными драгоценностями пигалица либо одна из дочерей Пилапи, либо его внучка – дочь погибшего в борьбе за престол принца, или как они здесь называются.

– И какая нужда заставила пуститься столь знатных мужей в далёкий путь? – спрашиваю самым светским тоном, на который был способен.

В принципе, если схематическая карта острова, нарисованная как-то дедом Темануем, более-менее верно передавала масштаб и пропорции, то от Тенука до западной границы Бонхо не будет и сотни километров. Но с учётом отсутствия на Пеу ездовых, равно как и выючных животных, а также того, что вместо дорог в лучшем случае наличествуют пешеходные тропы, а в худшем приходится продираться через заросли, такое путешествие в моей прошлой жизни было бы эквивалентно, наверное, поездке через всю страну.

– Мы люди покойного типулу Кахилуу, – сказал Огорегуй. – Наш вождь предательски убит родным братом Кивамуем. Большая часть сильных мужей и таки запада признала власть братоубийцы, мы же сохранили верность его дочери Раминаганиве, которую считаем законной правительницей Пеу, – лёгкий кивок в сторону увешанной ожерельями соплюшки. – Направляемся же мы к таки Бонхо, надеясь на его помощь против узурпатора.

– Я всего лишь регой, служащий правителю Бонхо, – заметил я, чтобы хоть что-нибудь сказать. – Решать будет мой повелитель.

Что там решит наш таки, можно только догадываться. Надеюсь, он не вздумает влезть в войну на стороне этой пигалицы. На самом деле, конечно, заправляет всем её свита. Главный, скорее всего, этот Огорегуй, слишком уж важно и надуту он выглядит.

Вот ведь засада – первоначальная догадка оказалась верной на все сто. Нет, война совершенно не вписывается в мои планы по экономическому развитию отдельно взятой провинции на основе медного шанцевого инструмента, ирригации с мелиорацией и удобрения полей птичьим помётом. Тут нужно хотя бы лет десять мира (нынешние мелкие стычки с восточными,

совсем уж дикими племенами не в счёт), чтобы прорыть систему каналов, убедить земледельцев, что птичье гуано, скапливающееся на приморских скалах и смываемое дождями в океан, повысит урожай. А потом уж на основе возросшего прибавочного продукта вырывать у моего шефа, мыслящего сугубо в категориях «больше коя, баки и свиней – больше воинов в личную дружину», ресурсы на увеличение выплавки меди (ибо и рудокопы в Сонаве, и рабочие плавильной мастерской в Хау-По хотят есть), а также на создание первой школы, поскольку без грамотных людей, способных прочесть те же инструкции для металлургов или наставления по агрономии или мелиорации-ирригации, весь этот прогресс заглохнет после моей кончины.

Да и сейчас... Сколько раз я уже жалел, тратя время на очередные разъяснения будь то в гончарной или медеплавильной мастерской, либо же, как вчера и сегодня, при определении фронта работ для прокладки канала, что нельзя все инструкции выдавать подчинённым в письменном виде, чтобы своё время, освободившееся от постоянного повторения одних и тех же вещей, посвящать дальнейшим изысканиям в области металлургии и вытягиванию из памяти знаний по разным отраслям, кои могут пригодиться если не в настоящее время, то в будущем.

В принципе, записать-то я могу – тростника с Сонавского озера, нарезанного и высушенного между плоскими камнями в виде полосок шириной с половину листа формата А4, хватит на целую книгу. А надо будет, заготовлю ещё – самостоятельно или с помощью друзей-сонаев. С чернилами тоже проблем особых нет: конечно, птичьи перья, обмакиваемые в пасту из сажи и особой разновидности глины на сиропе, полученном упариванием ягодного сока, не очень хорошо заменяют шариковую ручку, но худо-бедно записывать свои мысли и наблюдения получается. Что я и делаю: в моей новой хижине в Хау-По уже скопилась полуметровая стопка записей по керамике, стекольному делу, металлургии и прочему.

А вот с передачей записанного – проблемы. Кое-кто из моих добровольных и не очень помощников ознакомился с арабскими цифрами и научился считать до десяти, а пара наиболее сообразительных даже стали складывать не слишком большие числа (я, в общем-то, не учил, само собой получилось), но письмом никто не интересовался, а для насильственного внедрения грамотности времени и власти у меня не хватало.

Впрочем, сильно предаваться размышлениям сегодняшние гости не дали. Удовлетворив законное любопытство хозяев, Огорегуй поинтересовался, что здесь происходит: дескать, чего это народ массово копает землю вдали от населённых пунктов да ещё с использованием огромного количества столь ценных девайсов из металла.

Я, понятное дело, постарался объяснить смысл великой стройки и вообще всего происходящего.

Происхождение медных лопат и мотыг особых вопросов не вызвало. Оказывается, слухи о мастере, наладившем производство металлических изделий, уже достигли и столицы. Там, правда, были уверены, что он, то есть я, чужестранец. Пришлось прочесть небольшую лекцию о моём происхождении в версии деда Темануя и моих сонайских будто бы родственников. Пришельцы выслушали краткое родословие несчастного Ралинги, посочувствовали, когда я дошёл до гибели моей «родной» деревни (об этом событии четырёхлетней давности, оказывается, тоже знали на всём острове) и длительного периода своего «безумия», вздохнули с облегчением, когда я дошёл до того, как постепенно начал приходить в себя.

Двое светложких в компании с запада, едва выяснилось моё местное, пусть и не без помощи моряка-чужеземца происхождение, были несколько разочарованы.

Туманные намёки на общение с духами, начавшееся под влиянием свалившихся на меня испытаний, заставили сидящих вокруг нашего стола схватиться за амулеты, бормоча заклинания. Так что новые знания, вытянутые у духов, уже были самой приземлённой обыденностью.

На объяснение сути ирригационных работ свите юной наследницы местной короны ушло совсем немного времени. Много ли они поняли, осталось загадкой. Такое ощущение, что чужаки, будучи людьми по-столичному культурными, решили не занимать попусту время чело-

века, способного говорить с духами. В общем, посидев немного для приличия, они стали собираться.

Я по долгу гостеприимства предложил гостям, чтобы один из моих сопровождающих-регов провёл их к резиденции Ратикуитаки.

После ухода гостей с запада я долго сидел возле потухшего костра. Настроение было не очень-то рабочее – не каждый день приходится обедать в компании увешанных оружием чужаков, для которых прикончить человека ничего не стоит. То есть, конечно, любой из приданных мне для солидности и пригляду регоев тоже, не моргнув глазом, прирежет любого, кто будет не по нраву таки. Но местные – зло уже известное и предсказуемое, в отличие от незнакомцев с запада. Так что сейчас у меня был просто нервный отходняк. Ну и что с того, что во время обеда и последующей беседы я сохранял полную внешнюю невозмутимость (надеюсь, по крайней мере), напряжённость никуда не делась.

Да и вполне возможная гражданская война, которую эта компания, не дай бог, притянет за собой с запада, тоже заставляла задуматься, вместо того чтобы отправляться с инспекцией по маршруту будущего канала.

Моё место в бонхойской иерархии было где-то во втором или третьем десятке: после самого Ратикуитаки, пары шаманов, общающихся с особо мощными духами, самых опытных бойцов, являющихся командирами небольших отрядов, да вождей некоторых деревень, сумевших обзавестись личной свитой из недорегов.

Недорегоями для себя я именовал подручных местных вождей потому, что статуса регоев, подобно свите таки, те не имели, хотя кормились из тех же источников, что и окружение нашего босса, – изымаемых у ганеоев-сунийцев продуктов и вещей.

Но зато именно в моих руках сосредоточено производство современного оружия. Кроме того, за мной стоят духи, с которыми, по мнению всех окружающих, я общаюсь. А с потусторонним миром здесь не шутят. Вот начну транслировать мнение духов насчёт необходимости десяти лет мирного сосуществования с западом да экономического развития, посмотрим, как запоят эти бравые вояки.

Слегка успокоив себя такими мыслями, я приказал своей свите:

– Собираемся, пойдём посмотрим, как дела у наших землекопов.

Дела шли своим чередом. Такумал оказался толковым прорабом, или как там называется должность начальника на стройке. Сунийцы энергично, насколько позволяли жара и отсутствие заинтересованности в конечном результате, копали и таскали землю. Такими темпами канал проруют за пару недель.

Пройдя пару километров вдоль раскопок, я свернул в сторону Хау-По – солнце начинает жарить не так сильно, до сумерек как раз успею добраться до своего «рабочего кабинета» возле мастерских...

В медеплавильне было малоллюдно. Только Атакануй с помощником шлифует и затачивает уже готовые топоры и мотыги. В Сонаве разгар посадки молодых клубней коя, так что очередной порции руды ждать ещё минимум неделю. Небольшой запас малахита лежит, сваленный в углу, – на случай непредвиденного заказа от кого-нибудь, кому лучше не отказывать. Потому из остальных приписанных к медеплавильне волей нашего босса граждан кто-то также работает на полях, а кто-то бьёт баклуши под видом заготовки дров на уголь. То есть дрова они, конечно, заготавливают, но с учётом того, что орудуют выданными под запись медными топорами, а нормы выработки оставались, исходя из скорости рубки прежними каменными, то у них было предостаточно времени на послеобеденный сон, ковыряние в носу и прочие доступные туземцам развлечения. Кстати, надо озадачиться разработкой пилы или хотя бы ножовки. А то местные технологии работы с деревом, самым продвинутым вариантом которых как раз и является выдалбливание из цельных стволов лодок, реально достают – даже сруб из тонких

брёвен, который я предложил соорудить в качестве основы моего нового жилища, оказался для туземцев новым словом в строительстве.

Впрочем, додумать насчёт пиры мне не дали.

– Ралинга, тут прибежал посыльный, передал, что Ратикуитаки ждёт тебя на пир, – сказал Атакануй, откладывая в сторону топор. – После заката.

– Хорошо, – ответил я.

Хотя чего хорошего: сто процентов – пир по случаю гостей с запада. Напьются все браги, приготовляемой путём плеванья слюны в массу из местных фруктов, будут вести разговоры «за жизнь», «ты меня уважаешь?», обещать свергнуть узурпатора и посадить на трон эту пигалицу. Что-то не радует меня перспектива провести вечер таким образом, особенно учитывая, что трезвым в компании пьяных головорезов-регоев находиться не очень уютно, а пить местное спиртное я брезговал из-за способа приготовления...

Площадку для собраний возле резиденции таки спешно готовили к пиру. Женщины таскали сушёную и копчёную рыбу, деревянные блюда с печёным коем и варёным баки, чаши с брагой. Группка мужчин разделывала свинью. Большая же часть регоев нашего босса, разбившись на несколько кучек, вела разговоры за жизнь. Среди них замечаю и кое-кого из чужаков.

Не найдя ничего лучше, пришлось молча пристроиться к компании из местных и пришельцев, в которой заметил Такумала. Ответив на приветствия, я перебросился со своим замом по строительной части несколькими фразами о ходе прокладки канала.

Пир прошёл, как и десятки подобных попоек-посиделок ранее: все усиленно накачивались местной брагой (учитывая малое количество «оборотов», чтобы захмелеть, её требовалось лить в горло практически непрерывно), поглощали плохо прожаренную свинину, разбавляя всё это рыбой и корнеплодами.

Я среди всего этого раблезианства выглядел чужеродным элементом. Спиртное пить, как я уже говорил, брезговал по причине технологии его получения, на свинину не налегал, опасаясь за свою печень. Так что довольствовался коем с баки и рыбой.

То, что при этом я выгляжу в глазах окружающих нелюдимым букой, меня заботило мало: репутацию человека не от мира сего, запросто говорящего с духами, уже себе заработал, положение в свите своего работодателя имею не за то, что являюсь душой компании и рубахой-парнем, способным перепить любого. А что моя некомпанейскость мешает возвыситься в окружении нашего босса ещё больше, то и ладно: в прежней жизни я вообще мог рассчитывать в лучшем случае на майорские или капитанские звёздочки к пенсии, а здесь умудрился вырасти до министра промышленности областного уровня.

Потому сижу с выражением лица, схожим с таковым у рыбы, которую употреблял под пальмовый сок, рассеянно слушая взаимные восхваления хозяев и гостей, обещания немедленно пойти свергать узурпатора-братоубийцу («только обглодаю эту свиную лопатку») и ответные обещания должностей при дворе будущей правительницы Пеу.

Слава богу, все пиры рано или поздно кончаются, и я наконец мог отправиться домой, то есть в свою хижину рядом с мастерскими.

Утром позволил себе поваляться на пару часов подольше, чем обычно. Встал, когда Атакануй возобновил полирование: тут и мёртвый проснулся бы. В общем, дрель у соседа сверху в сравнении с этими звуками – классическая музыка.

Наскоро заправившись кашей из баки и запив её водой, заглянул в мастерские, убедившись, что и без меня справятся. Моя свита была уже в сборе. Теперь – проверка работ на канале. Солнце жарило уже вовсю, когда я добрался до впадины между холмами, по всей длине которой копошились сотни крошечных, издалека, человечков.

Строительство, насколько можно судить, шло довольно шустро – согнанные на принудительные работы ганеои-сунийцы торопились поскорее выкопать пару километров канала и насыпать дамбу-перемычку, чтобы от них отстали. Так что даже подгонять никого не было нужды.

Увы, насладиться зрелищем множества коричневых фигурок, выполняющих мои замыслы, в полной мере я не успел. Появился подросток-посыльный, с ходу протараторив, что Ратикуитаки зовёт регоя Сонаваралингу на совет, который состоится в хижине таки.

Ага, значит, наши доблестные мужи и дорогие столичные гости проснулись, опохмелились и теперь намерены держать совет на тему возвращения престола законной, с их точки зрения, наследнице Раминаганиве.

Нет, в роли пророка, пусть даже и для собственного потребления, нет ничего хорошего, особенно когда предсказываешь одни неприятности.

Глава 8,
в которой герой узнаёт кое-что о мире за пределами
Пеу, а также умудряется вызвать недовольство
монаршей особы, сменённое, впрочем, на милость

Таки собрал совет в своей самой большой хижине, где обитала младшая из пяти его жён. Восседал он на разукрашенной многоцветными узорами циновке на небольшом возвышении – как и полагается Большому Боссу. Впрочем, для высокой гостьи нашли не менее шикарную. А свежей травы напихали под неё ещё больше, так что голова их величества тэми Раминаганивы находилась вровень с головой хозяина. Остальные же участники сегодняшнего совещания сидели на десяток-другой сантиметров ниже этих двух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.